

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій
„Въ цвѣтахъ“.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РОССИЙСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.
С.-Петербургъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Киевъ, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на/Д.,
Евпаторія, Баку, Рига, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Новороссійскъ, Эривань.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

БОЛЬШИНСТВО №№ ЗА 1914 ГОДЪ И ПЕРВЫЕ ПЯТЬ №№ ЗА 1915 ГОДЪ ПОЛНОСТЬЮ РАСПРОДАНЫ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

„ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1915 ГОДЪ:

въ Петроградѣ 11 руб. 50 коп.
въ Россіи 12 руб. 50 коп.
за границей 40 франковъ.

Отдѣльный номеръ (съ перес.)—85 коп.

Пробный номеръ высылается за 30 коп. почтов. марками.

За перемѣну адреса петроградскаго на петроград., также иногород. на иногород. или петроградскій 50 коп.

Перемѣна петроград. адреса на иногород.—1 р. 50 к.

При перемѣнѣ адресовъ просьба высылать старый печатн. адресъ.

„СТОЛИЦА и УСАДЬБА“ продается отдѣльными номерами: во всѣхъ большихъ жел.-дорожн. кіоскахъ Контрагентства А. С. Суворина и К^о,

въ книжныхъ магазинахъ—
въ Петроградѣ:
Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“—Невскій пр., 40.
Т-во М. О. Вольфъ—Гостиный Дворъ, 18. Т-во М. О. Вольфъ—
Невскій пр., 13. Т-во Н. П. Карбасниковъ—Гостиный Дворъ, 18/19.
Т. Д. Мелье и К^о—Невскій пр., 20. Г. Р. Віоле—Малая Коню-
шенная, 16. В. А. Лебедевъ—Литейный пр., 21. И. И. Митюр-
никовъ—Литейный пр., 31. М. А. Ясный, бывш. Попова—
Невскій пр. 68. Н. В. Базыкинъ—Литейный пр., 51. „Веч.
Время“—Невскій пр., 52. В. Н. Бѣловъ—Литейный пр., 11.
въ Москвѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“—Неглинн. пр.
Т-во М. О. Вольфъ—Кузнецкій мостъ.
въ Харьковѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“.
въ Ростовѣ н/Д: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“.
въ Кіевѣ: Л. Издиковскій. Н. Я. Оглоблинъ.
въ Варшавѣ: Т-во Н. П. Карбасниковъ.
въ Саратовѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“.
въ Одессѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“. М. Арфинъ.
въ Варшавѣ: Т-во Н. П. Карбасниковъ. Г. Віоле.
въ Гельсингфорсѣ: Академическій книжный магазинъ.

РЕДАКЦІЯ:

Каменный остр., 31, площ. Стар. театра, соб. вилла.
Тел. 145-25.

КОНТОРА:

Невскій, 28 (д. Зингера), кв. 10 (съ Невскаго, на подъем-
ной машинѣ, въ 3 этажъ).
Телефонъ 260-51.

Телегр. адресъ: Стиус—Петроградъ.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка непарели
(1/4 часть ширины страницы).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше 1/16 стран. объявленія не
печатаются.

При заказѣ на нѣсколько разъ—скидка до 30%.

№ 32 (восьмой номеръ подписки 1915 года)
выйдетъ 15 апрѣля 1915 года.

Въ случаѣ неполученія очереднаго № или полученія его въ
измятомъ видѣ просить заявлять до выхода слѣдующаго №.

Изготовлены спеціальныя переплеты для годовыхъ экземп-
ла „Ст. и Ус.“ (въ 2 т. т.); 2 коленкоровыя папки съ кожаными
корешками и золотымъ тисненіемъ—6 руб. (пересылка по поч-
товому тарифу).

Съ благодарностью будутъ приняты всякія сообщенія по те-
лефону (260-51 или 145-25) или письменно о частныхъ коллек-
ціяхъ, отдѣльныхъ предметахъ старины или вообще произведеніяхъ
искусства, находящихся въ частныхъ рукахъ, въ Россіи—они
могутъ быть описаны и воспроизведены на страницахъ журнала.

Очень интересны также фотографіи усадебъ Россіи, не только
большихъ и роскошныхъ, но и самыхъ незначительныхъ. Къ
нимъ должны быть описанія.

Рукописи просить присылать по возможности писанныя на
машинѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ РЫСИСТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БУДУТЪ:

Б Ъ Г А.

АПРѢЛЬ: 3 (доб.), 5 (пр. на с. 21.743 руб. въ т. ч. 2 „Вступительныхъ“); 7, 9, 12 (пр. на с. 27.009 руб. въ т. ч. „въ честь Е. И. В. Вел. Кн. ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА“ и „Весеній“); 14, 16, 19 (пр. на с. 22.102 рублей въ т. ч. „въ память Н. П. Малютина“); 21, 23 (пр. на с. 21.093 р. въ т. ч. „Е. И. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ“); 26 (пр. на с. 23.249 руб. въ т. ч. „въ честь Н. А. Панчулидзева“); 28.

НАЧАЛО БѢГОВЪ: въ праздничные дни въ 1 часъ, въ будніе дни въ 2 часа дня.

Салонъ парикмахерской „ПОЛЬ“ (владѣлецъ П. Д. Горбатовъ)
на Пантелеймоновской, 10. Петроградъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ФАБРИКА ВОЛОСЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ И ДАМСКАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ
П. Д. ГОРБАТОВА.

ФИРМА

„ПОЛЬ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

Пантелеймоновская ул., 10.

Телефоны: 47-19, 65-47.

Прейсъ-курранты послѣднихъ мод-
ныхъ postiches и другихъ издѣлій
высылаются по полученіи 4-хъ
10-ти коп. марокъ.

Всѣ новинки Парижа и Лондона,
послѣднія créations парикмахерскаго
искусства, одновременно появляются
и въ салонѣ „ПОЛЬ“. Это давно
оцѣнено нашими кліентами.

Наша фабрика волосяныхъ издѣлій
не только величайшая въ Россіи,
но и одна изъ самыхъ большихъ въ
Европѣ. Большіе запасы матеріаловъ,
сдѣланные еще до войны, даютъ
намъ возможность не увеличивать
цѣны и теперь, когда вездѣ—изъ-за
трудностей сообщенія съ загра-
ницей—онѣ значительно повышены.

Все, что выходитъ изъ нашей фа-
брики, носитъ отпечатокъ изящнаго
вкуса и дѣйствительнаго знанія дѣла.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club
№40. NEVSKY. №40.

Телефонъ 58-24.

PIJAMAS
ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

КУМЫС — лечебница „ЦАРСКИЙ ДАРЪ“.

Ст. Новосергievская Самаро-Оренб. ж. д. Полный пансионъ Отд. помѣщ. Постоянный врачъ. Кумысъ въ неограничен. количествѣ. Санитарное благоустройство. Ковыльная степь.
До 15 апр. подробности: Москва, Арбатъ, Б. Николо-Песковскій пер., 5, кв. 17.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ крас. черн. и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучш. аптекахъ, аптек., косметич. и парфюм. складахъ Рос. Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ 3; Ницца—Е. Лотаръ. Главный складъ для всей Россіи.

А. ЭНГЛУНДЪ,
ПТГ., Новодеревенская наб., 15.

Поставщикъ Двора
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

**ТОВАРИЩЕСТВО
ПРОВИЗОРА**

А. М. ОСТРОУМОВА.

МАГАЗИНЫ:
Москва: 1) Никольская, рядомъ съ „Славянск. Базаромъ“. 2) Верхніе Торговые ряды, Владимірская линія, № 235.
Ялта—Набережная.

СКЛАДЫ:
Петроградъ, Гороховая, 33.
Одесса, Малый пер., № 6.

НОВОСТИ:
**ОДЕКОЛОНЪ,
ДУХИ, МЫЛО
САЛОМЕЯ**

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

НОВАЯ КНИГА:
„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ“.

Къ десятилѣтію со дня рожденія.

Изданіе I—роскошное, 130 стр. текста+60 рис. Цѣна 25 руб.
Изданіе II—для войскъ и народа, 56 стр. текста+23 рис. Цѣна 1 руб.
Съ автографомъ Его Императорскаго Высочества.

30% выручки отъ продажи изданія поступаютъ въ пользу раненыхъ воиновъ, лишившихся на войнѣ трудоспособности и не имѣющихъ средствъ къ жизни. Съ требованіями обращаться: г. Вилна, Канцелярія Особоуполномоченнаго Краснаго Креста.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ ИС ^{вѣя}
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Т-ый Д-мь ОБЮССОНЪ.

МЕБЕЛЬ, ° КОВРЫ, ° МЕБЕЛЬНЫЯ МАТЕРІИ.

МОРСКАЯ №№ 23 и 25. ° Телефоны: 484-55, 608-94, 666-46.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

И. А. Г.

№ 31.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

1 АПРѢЛЯ 1915 г.
ПЕТРОГРАДЪ.

„ЦАРИЦЫНЪ САДЪ“ ВЪ УМАНИ.

ПАВИЛЬОНЪ И ФОНТАНЪ НА „НИЖНЕМЪ ПРУДУ“.

Перепечатка статей и рисунковъ безъ указанія источника воспрещается; перепечатка портретовъ и группъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

Рис. по фот. Г. В. Иванова.
Фот. А. Е. Бѣлого.

УМАНЬ И УМАНСКИЙ „ЦАРИЦЫНЬ САДЪ“.

Якъ та хмара, гайдамаки
Умань обступылы
О пивночи до схиць сонця
Умань затопылы.

Шевченко.

Умань — небольшой провинциальный городъ, извѣстенъ каждому изъ исторіи и географіи. Даже въ самыхъ краткихъ учебникахъ Иловайскаго упоминается „Уманская рѣзня“ 1768 г., когда гайдамаки подъ начальствомъ Гонты и Желѣзняка осадили Умань и, ворвавшись въ городъ, произвели безчеловѣчное избіеніе поляковъ и евреевъ. Число погибшихъ въ этой рѣзни съ точностью опредѣлить нельзя, но, по свѣдѣтельству даже болѣе сдержанныхъ очевидцевъ, оно доходило до 18.000 человекъ.

Кромѣ этого кроваваго событія, Умани, находившейся въ центрѣ долголѣтней борьбы между различными націями, пришлось испытать много страданій. Памятникомъ тревоженій военнаго времени являются многочисленные подземные ходы, которыми изрѣзана подпочва Умани. Многіе изъ этихъ ходовъ имѣютъ въ длину нѣсколько верстъ и служили въ смутное время убѣжищемъ для жителей. Ходы снабжены волчьими ямами для защиты отъ преслѣдователей, если бы имъ удалось проникнуть въ ходъ, и колодцами для питьевой воды. Существованіе послѣднихъ указываетъ на то, что подземное пребываніе жителей не всегда бывало кратковременнымъ.

Въ настоящее время подземные ходы утилизируются для болѣе мирныхъ цѣлей и служатъ прекрасными погребками для жителей. Иногда, впрочемъ, послѣ сильнаго дождя, земля надъ ходами проваливается и открываетъ нескромному взору сокровища подземелій: соленья, варенья, наливки и прочее.

Въ бытность мою въ Умани, лѣтомъ 1914 года, произошелъ одинъ такой обвалъ, открывшій мрачный подземный ходъ подъ старымъ еврейскимъ базаромъ по направленію къ костелу. Глядя на него невольно вспоминаешь, какъ въ „Тарасъ Бульба“ татарка ведетъ Андрія въ осажденный запорожцами городъ.

...„Андрій едва двигался въ темномъ и узкомъ корридорѣ, слѣдуя за татаркой и таща на себѣ мѣшки хлѣба... Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ эти земляныя стѣны, напомнившія ему кіевскія пещеры. Такъ же, какъ и въ пещерахъ кіевскихъ, тутъ видны были углубленія въ стѣнахъ, и стояли кое-гдѣ гробы; мѣстами даже попадались, просто, человѣческія кости, отъ сырости слѣжавшіяся мягкими и разсыпавшіяся въ муку“.

Однако прочь мрачныя историческія воспоминанія, — посмотримъ, что намъ говорятъ наши воспоминанія изъ области географіи. „Въ Умани находится Училище Садоводства и Земледѣлія, помѣщающееся въ „Царицыномъ Саду“, бывшемъ имѣніи гр. Потоцкихъ“ — зубрили мы въ свое время. Эти сухія строчки развертываются въ плѣнительную поэму,

Трудовъ и слезъ онъ много
стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ
поръ.

Лермонтовъ.

когдаходишь въ „Царицынъ Садъ“ и знакомишься съ его прошлымъ.

Этотъ садъ первоначально называвшійся „Софійевою“, по имени той, въ честь которой онъ былъ созданъ — барская затѣя польскаго магната графа Феликса-Щенснаго (Счастливаго) Потоцкаго, одного изъ богатѣйшихъ людей конца XVIII столѣтія.

Умань со всѣми окрестностями на много десятковъ верстъ перешла во владѣніе гр. Потоцкихъ въ началѣ XVIII столѣтія и ихъ стараніями была значительно заселена и устроена. Послѣ упомянутой рѣзни 1768 года Умань обезлюдѣла и превратилась было въ пустыню, но затѣмъ опять заселилась и, при присоединеніи къ Россіи въ 1793 году, была сдѣлана уѣзднымъ городомъ. Къ этому-то времени (1795 — 1800 г.г.) и относится начало устройства въ Умани сада.

О причинахъ, побудившихъ гр. Потоцкаго устроить садъ сохранился слѣдующій рассказъ, не лишенный поэзіи:

Графъ Потоцкій женился на красавицѣ Софіи — гречанкѣ. По преданію онъ заплатилъ за нее ея первому мужу, майору Іосифу Витте — 2 милліона польскихъ злотыхъ. Исторія довольно не поэтичная, но поэзія начинается дальше...

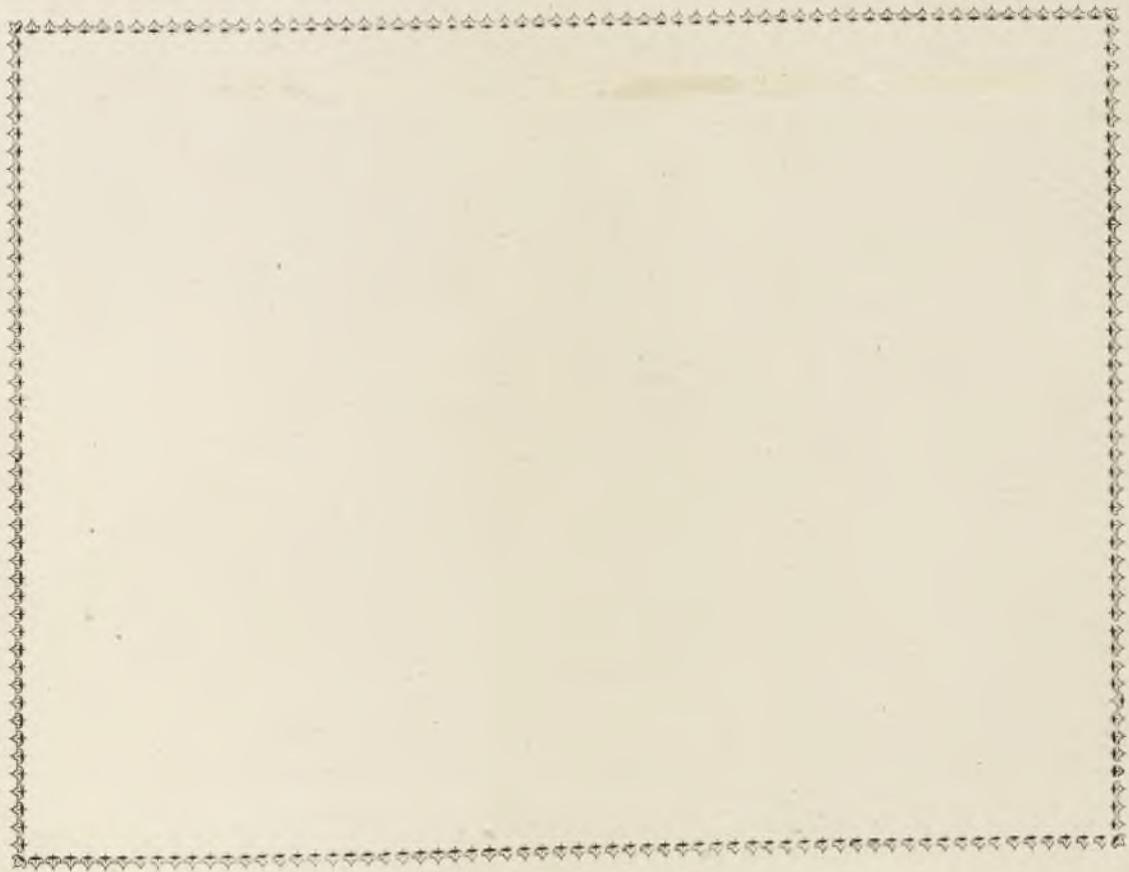
Софія была замѣчательная красавица. Даже сухой историкъ, описывая ея красоту вдохновляется слѣдующими словами: „Софія была дивно хороша; въ большихъ черныхъ глазахъ виднѣлась тоска и страстность; въ движеніяхъ ея было столько невыразимой прелести, на губахъ столько покорности и мольбы“...¹⁾

Заброшенная въ Уманскую глушь красавица скупала по своей прекрасной родинѣ, по ея горамъ, лѣсамъ, ручьямъ и озерамъ. Но гдѣ-же взять горы и озера въ степной Украинѣ? Для влюбленнаго, впрочемъ, нѣтъ ничего невозможнаго: omnia vincit amor!.. И вотъ влюбленный супругъ рѣшается вступить въ борьбу съ природой и въ скиѣской степи создать подобіе Эллады! Онъ сгоняетъ изъ всѣхъ своихъ деревень тысячи рабочихъ, поручаетъ составленіе плановъ и производство работъ опытнѣйшимъ садоводамъ и достигаетъ своей цѣли. Запруженная рѣченка „Каменка“ образуетъ два озера: верхнее и нижнее. На верхнемъ насыпается искусственный островъ съ бесѣдкой — „Островъ Любви“. Вокругъ озеръ нагромождаются искусственныя скалы, устраиваются водопады...

¹⁾ Ивашенко. Историческій очеркъ къ столѣтію „Царицына Сада“.

Водопадъ въ Уманскомъ саду.

„ЦАРИЦЫНЪ САДЪ“ ВЪ УМАНИ.

Цвѣтная фотографія съ натуры
инж. А. Е. Бѣлого.

Уманскій садъ. Павильонъ-пристань въ нижнемъ саду.

Польскій поэтъ Трембецкій, современникъ и другъ гр. Потоцкихъ, такъ описываетъ свои впечатлѣнія при первомъ вступленіи въ Софіевку, которой онъ посвятилъ цѣлую оригинальную поэму ¹⁾.

Je me sens enivré, tout m'annonce
un séjour
Offert à la plus belle et crée par
l'amour.
J'arrive, je descends; la plus belle
nature
Deploie en cent façons sa riante
parure.
Tout dans ces lieux accroît ma
vive émotion,
Je doute, en les voyant, de leur
création.
Ces collines, jadis arides, dépouil-
lées,

D'arbres de tous pays à présent ombragées
Offrent à mes regards unis dans ces climats
Des cèdres du Liban aux chênes d'Atlas.

* * *

Садъ соединяется съ городомъ длинной каштановой аллеей, у входа въ которую стоятъ двѣ приземистыя башенки-сторожки. Дойдя до нижняго пруда аллея сворачиваетъ въ сторону; черезъ павильонъ—пристань въ дорическомъ стилѣ, вступаемъ въ нижнюю часть сада, расположенную на берегахъ искусственнаго озера. Здѣсь сразу зритель очаровывается прелестью развѣтвляющейся предъ нимъ декорации, какъ ближе всего можно опредѣлить, по моему, Царицынъ Садъ. Но декорация не изъ грязныхъ тряпокъ, дающихъ иллюзію только при особыхъ условіяхъ, а изъ настоящихъ деревьевъ, воды и камней. Дорожка идетъ по самому берегу озера и достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы картина измѣнилась. Въ срединѣ озера устроены фонтанъ, но его пускаютъ рѣдко.

Продолжая путь по той-же дорожкѣ мы находимъ рядъ уголковъ, носящихъ свое названіе, имѣющихъ каждый свое настроеніе. Здѣсь и гроты и „источникъ Гиппокрены“ и „Каскадъ“ и „Елисейскія поля“ и, наконецъ, прелестный „Гротъ Венеры“: копія

¹⁾ Sophiowka. Poème polonais par St. Trembecky. Traduit en vers français par le comte de Lagarde. Книга издана въ Вѣнѣ въ 1815 году во время конгресса и первымъ подписчикомъ на нее значится Императоръ Александръ I.

Подъѣздъ къ саду.

статуи Венеры—Медичи стоитъ въ гротѣ и отдѣляется отъ зрителя покрываломъ воды большей или меньшей толщины. Въ этомъ уголкѣ прохладно, и таинственная сѣнь царствуетъ даже въ самый солнечный полдень.

Отъ „Грота Венеры“ достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ вверхъ, чтобы открылся новый очаровательный видъ на „Островъ Любви“, насыпанный на верхнемъ озерѣ. Быстрота смѣны впечатлѣній отъ таинственнаго „Грота Венеры“ къ жизнерадостному „Острову Любви“ поразительна. Вообще, какъ уже отмѣчено, эта быстрота смѣны настроеній—характерна для описываемаго сада. Глядя на „Островъ Любви“ невольно вызываешь въ памяти популярную картину Бёклина „Островъ мертвыхъ“, но тамъ зловѣщіе кипарисы, а здѣсь жизнерадостные тополя, поющіе пѣснь торжествующей любви.

Дальше мы уже вступаемъ во владѣнія Училища Земледѣлія и Садоводства, къ которому перешелъ садъ, конфискованный у гр. Александра Потоцкаго въ 1834 году за участіе въ польскомъ мятежѣ.

Оранжереи дворца частью сохранились, частью перестроены; въ нихъ работаютъ ученики. Передъ оранжереями—виноградникъ и газоны, тоже отзвуки былой роскоши...

Статуя Эврипида въ одной изъ аллей.

Изъ памятниковъ позднѣйшаго происхожденія интересенъ обелискъ въ память посѣщенія сада Императоромъ Николаемъ Первымъ (въ 1847 году).

Уманскій садъ—одинъ изъ немногихъ барскихъ парковъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени благодаря стеченію особыхъ обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ произошло обратное тому, что мы видимъ въ большинствѣ русскихъ барскихъ усадебъ: садъ Потоцкихъ уцѣлѣлъ, а отъ дворцовъ не осталось и помину

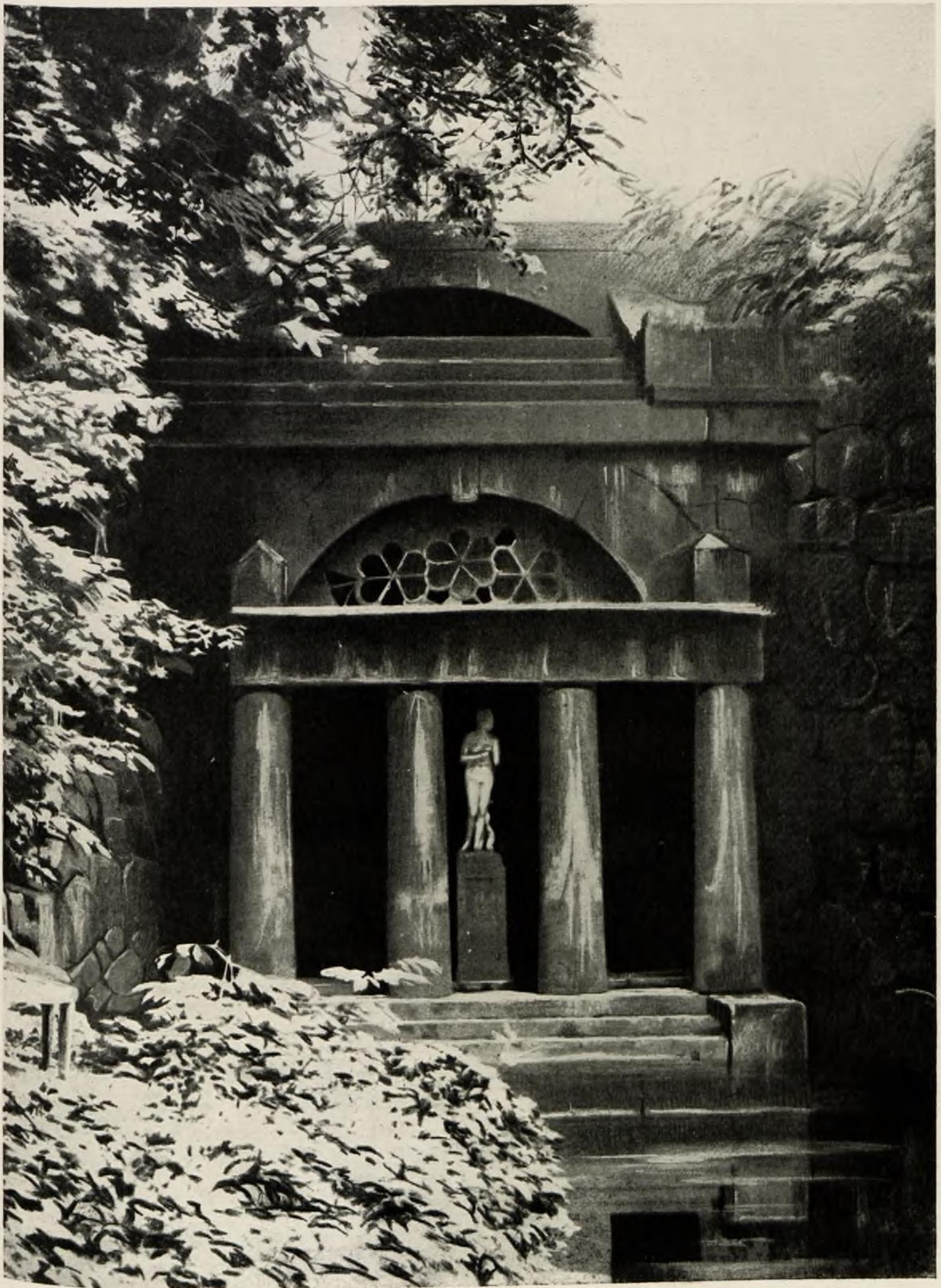

Рис. по фот. Г. В. Иванова.

„Царицынъ садъ“ въ Умани. „Гротъ Венеры“.

и самое мѣстонахождение ихъ въ точности не извѣстно...

Вслѣдствіе отдаленности отъ большихъ центровъ и малоизвѣстности Уманскій садъ привлекаетъ очень мало туристовъ и еще меньше художниковъ. А тѣмъ, которые пробовали свои силы, не удалось сохранить

ни колорита, ни настроенія картинъ сада. Одинъ мѣстный художникъ-любитель говорилъ мнѣ, что паркъ заколдованъ и что его написать невозможно. Вѣроятно это такъ.

А. Бѣлой.

Умань—юль 1914 г.

Уманскій садъ. Нижній прудъ.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ. ОПЕРЕТКА НА АЛЕКСАНДРИНСКОЙ СЦЕНѢ.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ исторіи русскаго театра вообще, а Петербургскаго Александринскаго въ частности, произошло событие, весьма чреватое послѣдствіями.

На сѣнѣ дряхлѣющаго водевиля, на подмостки драматической сцены неожиданно ворвалась оперетка, бойкая, игривая, остроумная, зло высмѣивающая все, что попадалось на ея пути...

Веселую иностранку, какъ дорогую гостью, по русскому обычаю, встрѣтили распростертыми объятіями и она, безъ малѣйшаго стѣсненія, заняла самое видное мѣсто въ репертуарѣ.

Всѣ увѣрены, что опереточная эпоха въ Россіи началась Ж. Оффенбахомъ, а между тѣмъ это не совсѣмъ точно. Правда, онъ создалъ ее, но первымъ у насъ все таки былъ не онъ, а Францъ Зуппе, одноактная оперетка котораго „Десять невѣстъ и ни одного жениха“ открыла новое теченіе въ руслѣ нашего образцоваго театра, перекинувшееся немедленно-же и на всю провинцію.

* * *

Въ 1864 году скончался главный режиссеръ русской драматической труппы Е. И. Вороновъ и на его мѣсто, волею единодержавнаго властителя судебъ казенныхъ театровъ, П. С. Оеодорова, былъ назначенъ второстепенный актеръ А. А. Яблочкинъ и раньше удачно исполнявшій режиссерскія обязанности, во время болѣзни покойнаго.

Вступленіе свое въ новую должность Яблочкинъ ознаменовалъ особымъ покровительствомъ опереточному жанру, уже ставшему моднымъ за-границей.

Въ первый-же свой бенефисъ, 6-го мая, въ Александринскомъ театрѣ Яблочкинъ перевелъ и поставилъ „Десять невѣстъ и ни одного жениха“, не задумываясь надъ тѣмъ, что въ труппѣ не имѣлось ни сопрано, ни контральто, ни теноровъ, ни баритоновъ.

По пословицѣ „на безрыбьи и ракъ рыба“, онъ самъ игралъ Шенгана, а роль Париса поручилъ водевильному актеру Д. И. Озерову, отличавшемуся удивительной странностью: гримироваться такъ, чтобы его лицо, какъ можно меньше походило на человѣческое, что порождало не мало курьезовъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ персидскаго шаха Насръ-Эддина, Озеровъ на парадномъ спектаклѣ читалъ какой-то монологъ, сопровождая его игрою на скрипкѣ.

Шахъ внимательно смотрѣлъ на исполнителя и, въ концѣ концовъ, заявилъ:

— Я видѣлъ всякихъ обязынь, но такую, что играетъ на скрипкѣ и говоритъ,—вижу впервые!

И тутъ-же выразилъ желаніе купить диковину...

Но возвращаюсь къ „Десяти невѣстамъ“.

Ихъ изображали самыя хорошенькія актрисы той эпохи: М. П. Лелева, Струйская 1-ая, впоследствии игравшая только сильно драматическія роли, Подобѣдова 1-ая, Прокофьева, Загородникова, Нейманъ и другія. Воспитывавшіяся въ театральномъ училищѣ,

гдѣ въ тѣ времена будущіхъ звѣздъ и звѣздочекъ одновременно учили и танцамъ, и пѣнію, и декламации, онѣ превосходно изобразили француженокъ, нѣмокъ, тиролокъ, испанокъ и итальянокъ куплетами и танцами сводя съ ума молодежь.

Оперетка настолько понравилась, что въ теченіе сезона выдержала 59 представлений! И весь Петербургъ распѣвалъ:

„Барабанъ лишь раздался“,

„Нашъ весь полкъ собрался“!..

Яблочкинъ отлично угадалъ вкусы публики.

* * *

На слѣдующій годъ Яблочкинъ поставилъ „Орфея въ аду“, только что съ огромнымъ успѣхомъ сыграннаго французами въ Михайловскомъ театрѣ.

Переводъ оперетки былъ порученъ, тогда еще совсѣмъ молодому драматургу, инженерному офицеру В. А. Крылову, подписывавшему свои переводы псевдонимомъ: В. Александровъ.

Переводъ, или правильнѣе передѣлка „Орфея“ вышла очень удачной, хотя отъ его авторовъ, А. Мельяка и Л. Галеви, осталось очень мало. Куплеты и діалоги были пересыпаны забавными каламбурами, колкими остротами и намеками на злобы дня.

Вокальное исполненіе, конечно, оставляло желать многого, однако, несмотря на это, оперетка дѣлала полные сборы.

Чтобы вообразить успѣхъ „Орфея“, достаточно сказать, что очень слабый актеръ Петровскій повторялъ не менѣе пяти или шести разъ въ вечеръ куплеты „Аркадскаго принца“. Мало этого, Карре, содержатель цирка,—помѣщавшагося рядомъ съ Александринскимъ театромъ, на углу Толмазова переулка, выходившаго на Фонтанку и застроеннаго въ царствованіе Александра III,—поставилъ конное представленіе подъ названіемъ „Орфей въ аду“!

Разумѣется, главнымъ факторомъ успѣха была новизна. Мы совершенно не были приучены къ вольностямъ, относительно предрѣшавшихъ властей, которыхъ вдругъ стали вышучивать со сцены. Это щекотало, до извѣстной степени нервы и нравилось, нравилось безконечно!..

Петербургскіе критики-пуритане морщились, но, пока что, мирились съ совершившимся фактомъ...

Слѣдующей опереточной новинкой былъ „Званный вечеръ съ итальянцами“, передѣланный Вильде съ французскаго.

Драматическіе артисты, въ тѣ времена, получавшіе, помимо жалованья, еще и поспектакльную плату, убѣдись, что оперетка занимаетъ въ репертуарѣ добрую его треть и дѣлаетъ полные сборы, почти всѣ неожиданно открыли въ себѣ голоса и начали чуть не съ боя расхватывать роли.

Либретто „Званаго вечера съ итальянцами“, вышучивающее тогдашнее увлеченіе (по французски: „Monsieur Choufleury restera chez lui le...“), написано близкимъ родственникомъ Наполеона III, герцогомъ Морни, для одного изъ придворныхъ любительскихъ спектаклей Компьенскаго театра, бывшихъ тогда въ модѣ.

Если съ паденіемъ Второй Имперіи, до котораго герцогъ не дожилъ, его имя, какъ дипломата, кануло въ Лету, добродушный *poisieur Choufleury*, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, воспѣваетъ талантливаго либретиста, очевидно, никогда и не предполагавшаго, что бездѣлка, написанная подъ веселую руку, переживетъ его и будетъ имѣть такой успѣхъ.

* * *

Въ томъ-же 1868 году на подмосткахъ Александринскаго театра былъ сыгранъ шедевръ Оффенбаха „Прекрасная Елена“, надолго утвердившій владычество оперетки. Это былъ ея триумфъ, которому предшествовали весьма любопытныя событія.

„Прекрасная Елена“ была впервые поставлена въ Парижѣ въ 1864 году, въ эпоху клонившейся уже къ упадку Второй Имперіи, блестяще возродившей опереточный жанръ, ведущій свое начало со времени Великой французской революціи.

Авторы оперетки, Мельякъ и Галеви, ловко воспользовались „Иллиадой“, чтобы вышутить царствованіе Наполеона III и Евгениі, а Оффенбахъ написалъ превосходную музыку, получивъ за „патріотическое trio“, — пародію на мотивы „Вильгельма Телля“ („Карлъ Смѣлый“) Россини, — орденъ Почетнаго Легіона.

Успѣхъ оперетки имѣла колоссальный и вскорѣ обошла всю Европу.

У насъ въ Петербургѣ „Прекрасная Елена“ увидѣла свѣтъ рампы только въ 1867 году. Ее долго не разрѣшали къ представленію, видя въ ней чуть-ли не „потрясеніе основъ“.

Шла она въ Михайловскомъ театрѣ, въ бенефисъ французской актрисы красавицы Деверія. Какъ пьеса, такъ и исполнительница заглавной роли, положительно свели съ ума весь Петербургъ. Оперетка выдержала 32 рядовыхъ представленія, что по тѣмъ временамъ было неслыханно! Деверія буквально „носили на рукахъ“, а однажды, на какомъ-то аристократическомъ ужинѣ подали даже на серебрянномъ блюдѣ совершенно нагую...

Успѣхъ французовъ не давалъ покоя Яблочкину, пожелавшему во что-бы то ни стало, поставить „Прекрасную Елену“ и на русской сценѣ.

Послѣ всевозможныхъ цензурныхъ мытарствъ оперетка, въ концѣ концовъ была разрѣшена къ представленію. Для участія въ ней были мобилизованы всѣ драматическія силы, способныя хотя-бы говорить подъ музыку, не хватало только пустяка... самой Елены.

Въ труппѣ Александринскаго театра Елень, можетъ быть, имѣлось и достаточно, но „прекрасной“ ни одной!

Яблочкинъ и Крыловъ, какъ знаменитые тогда фокусники братья Давенпортъ, приходили уже въ полнѣйшее отчаяніе, когда судьба, точно сжалившись надъ ними, послала артистку, способную осуществить ихъ надежды.

Какъ разъ въ этомъ году изъ балета въ драматическую труппу перешла В. А. Лядова, одна изъ граціознѣйшихъ тогдашнихъ балеринъ. На первыхъ порахъ она выступала въ водевиляхъ, обнаруживъ красивый голосъ, хорошія манеры и чарующую милость.

Яблочкинъ и Крыловъ стали уговаривать Лядову сыграть „Прекрасную Елену“. Послѣ долгихъ пререканій, артистка согласилась. Кромѣ Лядовой въ опереткѣ играли: Сазоновъ—Париса, Марковецкій—Менелая, Лелева—Ореста, Монаховъ—Ахилла, Озеровъ—Калхаса, Васильевъ 1-ый—Агамемнона, Шемаевъ и Стрелковъ—Аяксовъ.

Критика, посмотрѣвшая сквозь пальцы на постановку этой оперетки у французовъ, теперь готовилась къ рѣшительному удару.

* * *

Около семи съ половиной часовъ вечера, 18-го октября 1868 года, къ ярко освѣщенному Александринскому театру, со всѣхъ сторонъ подкатывали вереницы наемныхъ и собственныхъ экипажей, смѣшиваясь съ толпами пѣшеходовъ...

Оклики кучеровъ и полицейскихъ, тиснетно старавшихся водворить порядокъ, стукъ каретныхъ дверецъ и хлопанье дверей театральныхъ подъѣздовъ, смѣхъ и оживленные разговоры, все это сливалось въ одинъ общій гулъ...

Желтоватая афиша, вывѣшанная на зданіи театра въ ящикахъ, подъ проволочной сѣткой, гласила, что „сегодня, въ бенефисъ главнаго режиссера А. А. Яблочкина, въ первый разъ будетъ представлена оперетка Оффенбаха „Прекрасная Елена“, заглавную роль въ которой исполнитъ В. А. Лядова“.

Еще задолго до представленія всѣ билеты были распроданы, а на слѣдующіе спектакли шла записка.

Зрительный залъ, переполненный на этотъ разъ самой фешенебельной публикой, рѣдко посѣщавшей Александринскій театръ изъ за такъ называемаго „мужицкаго репертуара“ (пьесы Островскаго, Писемскаго, Потѣхина), — что прекрасно учель Яблочкинъ, — шумѣлъ подъ настраиваемые въ оркестрѣ инструменты, какъ пчелиный рой...

Въ залѣ душно. Смѣсъ запаха газа и аромата духовъ повышаетъ настроеніе. Дирижеръ взмахнулъ палочкой. Театръ замеръ. Изъ оркестра задорно зазвучали игривыя мелодіи Оффенбаха. Занавѣсъ взрогнулъ и поднялся...

Русскіе артисты не ударили лицомъ въ грязь, ни въ чемъ не уступивъ французамъ. Бурныя рукоплесканія и требованія повтореній не прекращались въ теченіе всего спектакля. Вызовамъ не

было конца... Какъ сама оперетка, такъ и исполнители имѣли колоссальнѣйшій успѣхъ.

Не боясь быть обвиненнымъ въ преувеличеніи, смѣло скажу, что ни до, ни послѣ „Прекрасной Елены“ ни одна пьеса въ Александринскомъ театрѣ не производила такой сенсаціи. Что-же касается Лядовой, то успѣхъ ея превзошелъ всѣ ожиданія! Деверія была побѣждена! Въ одинъ сезонъ оперетку сыграли 42 раза!

Зато наша критика совершенно разошлась во мнѣніи съ публикой. Она жестоко обрушилась и на Крылова, и на Яблочкина, и на казенную дирекцію, допустившую на своихъ подмосткахъ такую „позорную“ пьесу. Досталось всѣмъ участвующимъ и главнымъ образомъ Лядовой, которую обвинили въ... порнографіи! Ея костюмы находили безнравственными, растлѣвающимъ дѣйствующими на молодежь, требовали запрещенія „Прекрасной Елены“, удивляясь снисходительности цензуры и бездѣйствію полиціи. Словомъ, подняли дымъ коромыслемъ и, сами того не замѣчая, создали опереткѣ превосходную рекламу.

Въ сущности говоря, все, что они писали, слѣдовало отнести къ постановкѣ „Елены“ у французовъ. Впрочемъ, никто не обратилъ вниманія на газетную критику и „Прекрасная Елена“ продолжала дѣлать полные сборы.

* * *

Слѣдующій 1869 годъ былъ расцвѣтомъ оперетки.

На спектакли съ участіемъ В. Лядовой стремились всѣ.

Публика забрасывала ее цвѣтами и подарками, а въ одинъ изъ бенефисовъ поднесла „лилейно-раменной супругѣ Атрида Менелая“ бриллиантовую діадему, находя, что бутафорская не достойна украшать любимую артистку...

Очередной опереточной новинкой была пьеса „Всѣ мы жаждемъ любви!“ передѣланная М. П. Федоровымъ—драматургомъ, театральнымъ критикомъ, а позднѣе редакторомъ „Новаго Времени“, изъ французскаго фарса „Ah, que l'amour est agréable!“ только что сыграннымъ въ Михайловскомъ театрѣ.

Пьеса была специально передѣлана для Лядовой, игравшей тамъ танцовщицу Леони и вызывавшей фуроръ, появленіемъ въ одномъ изъ актовъ въ мужскомъ костюмѣ, причемъ объяснялось это передѣваніемъ такимъ образомъ.

Лядова пѣла:

„Отъ тоски, душевной муки

Я, увы, страдаю такъ...

А Сазоновъ за нее доканчивалъ:

Что надѣтъ рѣшила брюки

И коротенькій пиджакъ!..“

Куплетъ, который она пѣла въ послѣднемъ актѣ, на мотивъ изъ балета „Наяда и рыбакъ“ постоянно повторялся по нѣскольку разъ, такъ какъ содержалъ въ себѣ біографическія черточки артистки.

„Я танцовщицей была,

Но во мнѣ талантовъ много:

Граціозна и мила,

И свѣтла моя дорога.

Въ Петербургъ поѣду я,

Чтобы тамъ вступить на сцену,

Тамъ сыграю вамъ, друзья,

Я „Прекрасную Елену“,

Такъ какъ голосъ мой силенъ,

Много страсти въ немъ и чувства,

А „Елена“—камертонъ

Современнаго искусства!“

Если стишки были и не высокаго качества, зато вполне отвѣчали настроенію зрительнаго зала.

* * *

Въ 1859 году Шарль Гуно поставилъ своего „Фауста“ въ парижской „Grand Opera“. Хотя музыка была очаровательна, французы остались очень недовольны композиторомъ, вздумавшимъ распространить перлы своего блестящаго таланта на либретто, составленное по драмѣ нѣмца Гете. Публика и критика отнеслись весьма неодобрительно къ этому безсмертному произведенію и ждали только случая, чтобы какъ нибудь насолить Гуно, объявивъ его чуть-ли не „дурнымъ патріотомъ“.

И вотъ случай представился.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Эрвэ ставилъ въ парижскомъ „Буффѣ“ свою оперетку „Le petit Faust“, въ которой остроумно пародируетъ музыку Гуно, такъ-же какъ и сюжетъ.

Французы только этого и ждали. Оперетка имѣетъ колоссальный успѣхъ! Эрвэ, по примѣру Оффенбаха, награждаютъ орденомъ „Почетнаго Легіона“ и если „Фаусту“ на первомъ представленіи шикали, то „Le petit Faust“ приняли восторженно.

На русской сценѣ „Le petit Faust“, названный переводчикомъ В. Курочкинымъ „Фаустомъ на-изнанку“, увидѣлъ свѣтъ рампы въ бенефисъ „мага и волшебника“ Яблочкина.

Въ бенефисъ Сазонова поставили „Птичекъ пѣвчихъ“.

Это, лучшее въ смыслѣ музыкальности, произведеніе Оффенбаха имѣло всего два дѣйствія. Третье, въ двухъ картинахъ, было приписано гораздо позже.

Французы, какъ напримѣръ Дьедонни, игравшій Пикилло и Обри (Периколла) позволяли себѣ гаерничать, русскіе артисты воздержались отъ этого и потому значительно выиграли.

Роль Периколлы была исполнена Лядовой превосходно. Многие, видѣвшіе въ „La Perichole“ ея создательницу знаменитую Гортензію Шнейдеръ, увѣряли, что Лядова не уступаетъ.

Монаховъ былъ изящнымъ губернаторомъ, а Марковецкій и Озеровъ презабавившими его приближенными. Особенный успѣхъ выпалъ на долю второго, изображавшаго начальника полиціи, очень напоминавшаго одного изъ тогдашнихъ петербургскихъ „бюстителей порядка“.

1869 годъ закончился бенефисомъ Лядовой. Давали „Запрещенный плодъ“, оперетку съ наборной музыкой.

Достоинствъ въ этомъ произведеніи было очень немного. Достаточно сказать, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ, на мотивъ „Чирика“, распѣвало такіа вирши:

„Ахъ, швея, моя швея,
По тебѣ страдаю я...
Забралася ты на вышь,—
Про любовь мою услышь!..“

Если оперетка и держалась въ репертуарѣ, то только благодаря исполнителямъ.

Тогда врядъ-ли кто нибудь предполагалъ, глядя на молодую, красивую, жизнерадостную артистку, что роль „Памелы“ будетъ ея лебединой пѣсню. Однако, смерть уже стояла у нея за спиной.

Около 10-го января 1870 года Лядова заболѣла. Упорная болѣзнь не поддавалась лѣченію и артистка послѣ двухъ-мѣсячныхъ страданій скончалась 24-го марта.

Кончина Лядовой, въ самомъ разгарѣ ея успѣховъ, поразила весь театральнй міръ. Друзья и поклонники по подпискѣ поставили на ея могилѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ, памятникъ съ барельефнымъ портретомъ покойной въ костюмѣ „Прекрасной Елены“.

* * *

Сборы оперетки сразу упали, хотя Яблочкинъ изъ кожи лѣзъ. Изъ провинціи выписали Колосову, переманили изъ Маріинскаго театра Кольцову, приняли въ труппу вынужденную изъ театральнаго училища Семенову и возвели въ чинъ примадоннъ Яблочкину 2 дочь главнаго режиссера, Лелеву и Прокофьеву. Между ними, шестью, раздѣлили всѣ роли покойной Лядовой.

Оперетка на образцовой сценѣ стала отживать свое время. Не одна смерть Лядовой повліяла на это. Въ Михайловскомъ театрѣ не только французы, но и нѣмцы,—тогда существовала казенная нѣмецкая труппа,—взялись за оперетки, постоянно опережая постановками русскихъ, а рядомъ съ Александринскимъ театромъ основался такъ называемый „Круглый Буффъ“, перестроенный изъ цирка Карра. Въ немъ, подъ управленіемъ А. Ф. Фодотова, культивировалась настоящая французская оперетка съ Шнейдеръ, Жюдикъ, Тео, Жюто, Ру и др.

Сосѣдство оказалось весьма опаснымъ, но Яблочкинъ еще вѣрилъ въ свою звѣзду и не унывалъ.

Пользуясь правомъ главнаго режиссера, онъ навязывалъ въ бенефисы такимъ артистамъ, какъ Е. М. Левкѣва, П. А. Каратыгинъ, Е. П. Струйская, П. И. Малышевъ, ничего не имѣвшимъ общаго съ каскаднымъ жанромъ, оперетку за опереткой.

Въ бенефисъ Левкѣвой онъ поставилъ „Чайный цвѣтокъ“ Лскока.

Въ бенефисъ Каратыгина сыграли одноактную оперетку „Передъ свадьбой“, съ музыкой Жонаса; а въ бенефисъ Малышева двухъ-актную „Пансіонъ или волки въ овчарнѣ“ Франца Зуппе, не имѣвшей почти никакого успѣха.

Весной, съ дебюта, былъ принятъ въ труппу провинціальный актеръ Н. И. Арди и тотчасъ-же попалъ въ число „теноровъ и баритоновъ“.

Необходимо было отыскать актрису, способную захватить публику. Имѣвшіяся на лицо „примадонны“ оказались неспособными на это, и вотъ Яблочкинъ перевелъ изъ московской труппы въ петербургскую г-жу Кронебергъ, красивую, съ голосомъ, но совершенно безталанную. Всѣ главныя роли немедленно были переданы ей, однако эффекта, на который рассчитывалъ главный режиссеръ, не получилось.

Въ январѣ 1872 года, въ бенефисъ Л. Л. Леонидова, трагика чистѣйшей воды, „последняго изъ Могижанъ“, переведеннаго изъ Москвы въ Петербургъ послѣ смерти В. А. Каратыгина, Яблочкинъ ухитрился втиснуть въ серьезный спектакль „Волшебную пѣсенку“.

Мотивами этой одноактной вещицы, написанной Оффенбахомъ въ дни „когда онъ еще нуждался“, композиторъ воспользовался при сочиненіи „Прекрасной Елены“. Арія третьяго акта, начинающаяся словами „Я скажу, что вашъ упрекъ напрасенъ“, есть перифразъ самой волшебной пѣсенки.

* * *

Видя, что дѣло плохо, Яблочкинъ рѣшилъ выписать изъ провинціи еще двухъ примадоннъ.

Въ апрѣлѣ передъ столичной публикой въ роли Периколлы дебютировала М. М. Чернявская. Какъ актриса и пѣвица она значительно уступала нашимъ примадоннамъ, но зато превосходила ихъ красотой. Если красота спартанской царицы послужила причиной троянской войны, красота Чернявской явилась причиной небывалаго скандала.

Разумѣется красавица была моментально окружена роемъ поклонниковъ всѣхъ возрастовъ, ранговъ и положеній и благодаря этому заняла въ труппѣ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Въ сентябрѣ дебютировала А. И. Абаринава, до этого пѣвшая въ тифлисской оперѣ подъ псевдонимомъ Реджіо, пользуясь тамъ исключительнымъ успѣхомъ и какъ интересная женщина и какъ талантливая пѣвица и актриса. Ея дебютъ состоялся тоже въ „Птичкахъ пѣвчихъ“.

Поклонники Чернявской немедленно составили оппозицію, и на спектакляхъ, гдѣ участвовали обѣ примадонны, демонстративно рукоплескали ей одной. Но и Абаринава не могла пожаловаться на отсутствіе поклонниковъ, между которыми оказался нѣкто, занимавшій въ дирекціи казенныхъ театровъ весьма важный постъ. Подъ его покровительствомъ артистка чувствовала себя въ полнѣйшей безопасности.

Публика-же раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: „чернявистовъ“ и „абаринистовъ“, ожидая только удобнаго момента, чтобы помѣяться силами. Однако ждать этого пришлось цѣлыхъ полтора года...

1873 годъ оказался удачнѣе своего предшественника. Оперетка, какъ будто снова ожила, но дни ея уже были сочтены.

Въ бенефисъ Абаринавой дали „Зеленый островъ“ („Les sept vierges“), причѣмъ двухъ подругъ, Габріэль и Элантину, играли бенефициантка и Чернявская. Роль второй была значительно меньше первой и „чернявисты“ никакъ не могли создать успѣха красавицѣ. Зато „абаринисты“ торжествовали, устроивъ бенефицианткѣ шумную овацію.

Въ бенефисъ драматической актрисы Снѣтковой 1 шла „Парижская жизнь“ Оффенбаха, уже успѣвшая обойти чуть-ли не всѣ европейскіе театры.

Французы, споконъ вѣковъ ненавидяшіе своихъ германскихъ сосѣдей, были въ восторгѣ, когда Оффенбахъ поставилъ эту оперетку въ парижскомъ „Буффѣ“, и въ ней вывелъ глупѣйшаго барона Гондремарка, изъ политическихъ соображеній, указанного въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ не нѣмцемъ, а шведомъ. Похожденія его заставляли зрителей весь спектакль хохотать до коликъ.

Но еще смѣшнѣе было то, что нѣмцы, на этотъ разъ не догадавшись „гдѣ зарыта собака“, сами стали играть эту оперетку и хохотали надъ барономъ Гондремаркомъ.

Припоминаю, что въ одинъ изъ прїѣздовъ въ Россію нынѣшняго германскаго императора, въ честь его въ Красносельскомъ театрѣ былъ данъ парадный спектакль, постановку котораго поручили извѣстному Раулю Гинсбургу, антрепренерствовавшему въ петербургской „Аркадіи“. Не знаю, съ умысломъ или нѣтъ, но онъ поставилъ „Парижскую жизнь“, заставивъ Вильгельма II и его свиту провести нѣсколько неприятныхъ часовъ и буквально „faire boppe mine au mauvais jeu“.

„Чернявисты“ и „абаринисты“ одинаково бѣсновались, такъ какъ роли ихъ идеаловъ не давали повода къ соревнованію: каждая дѣлала свое дѣло, не мѣшая другой.

* * *

Наступилъ 1874 годъ, десятый, считая отъ перваго представленія „Десяти невѣстъ“, открывшихъ опереточную эру. Онъ явился для нея роковымъ.

20 января, въ бенефисъ Абаринавой, поставили „Дочь рынка“. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе.

Приблизительно въ 1797 году, въ самый разгаръ увлеченія Директоріей, французскій актеръ Антуанъ Эвъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Мальо или Демальо, поставилъ въ парижскомъ театрѣ „Emulation“ свою одноактную пьесу „Мадамъ Анго или зазнавшаяся рыбная торговка“. Наивная сама по себѣ пьеска, пришлась однако по вкусу публикѣ и имѣла такой колоссальный успѣхъ, что въ продажѣ появились вѣера, перчатки, трости, чепцы и проч. „à la madame Angot“.

Спустя 75 лѣтъ, то есть въ 1872 году, послѣ франко-прусской войны и низложенія Наполеона III, при возстановленіи республиканскаго образа правленія, въ Парижѣ вспомнили „зазнавшуюся рыбную торговку“. Этимъ воспользовались либретисты Клэрвилъ, Спиродэнъ и Кёнингъ и не желая воскрешать того, что умерло, представили парижанамъ „La fille de madame Angot“, сдѣлавъ ея отцомъ весь рынокъ въ лицѣ его мужскихъ представителей.

Осмѣявъ Директорію, Барраса и графиню Дюбарри, фигурирующихъ въ опереткѣ: первый подъ фамиліей Ларивольера, вторая—подъ именемъ Ланжъ (знаменитую фаворитку Людовика XV когда то называли, намекая на ея поведеніе „L'ange du Harême“),—либретисты въ главной роли вывели уличнаго пѣвца Анжа Питу, жестоко опозилъ истиннаго патріота.

Шарль Лекокъ написалъ очаровательную музыку къ этой опереткѣ, представленіе которой вызвало полнѣйшій фуроръ...

Теперь перехожу къ событіямъ, весьма трагикомическимъ. Яблочкинъ блестяще поставилъ „Дочь рынка“, особенно стараясь угодить Абаринавой.

Театръ былъ, конечно, переполненъ. „Чернявисты“ и „абаринисты“ были всѣ на лицо.

Бенефициантка играла Клэретту, Чернявская—Ланжъ, Сазоновъ—Питу, Озеровъ—Ларивольера, Арди—Треница и очень слабый пѣвецъ и актеръ Леоновъ (Шарпантѣ), только что выпущенный изъ театральнаго училища—Бломпоэнъ.

Начался спектакль вполне благополучно. „Абаринисты“, подержанные публикой, за исключеніемъ „чернявистовъ“, встрѣтили бенефициантку громомъ аплодисментовъ, цвѣтами и подарками, заставляя биссировать чуть-ли не каждый номеръ, но со второго

акта, въ которомъ появляется Чернявская, страсти начали не шутя разгораться.

— Абаринава, браво!—неслось съ одной стороны.

— Браво, Чернявская!!—еще громче раздавалось съ другой.

Въ антрактѣ артистки уже не разговаривали, поглядывая другъ на друга весьма недружелюбно. Въ воздухѣ пахло грозой.

Третій актъ довершилъ начатое. Дуэтъ Клэретты и Ланжъ окончательно поспорилъ артистокъ, а полагающаяся по пьесѣ драка почти дошла до настоящей рукопашной...

Когда „абаринисты“ стали настойчиво вызывать бенефициантку solo, ихъ противники встрѣчали ее криками: „браво Чернявская!“ Ни одна сторона не желала уступить другой. Взволнованная всѣмъ этимъ Абаринава, въ концѣ концовъ, не сдержалась и, подойдя къ рампѣ, плюнула въ сторону „чернявистовъ“...

Тутъ началось настоящее Вавилонское столпотвореніе, трудно передаваемое словами. Публика сначала остоленѣла, пораженная небывалымъ происшествіемъ, а затѣмъ, во главѣ съ „чернявистами“, пыталась черезъ оркестръ перелѣзть на сцену, но была останов-

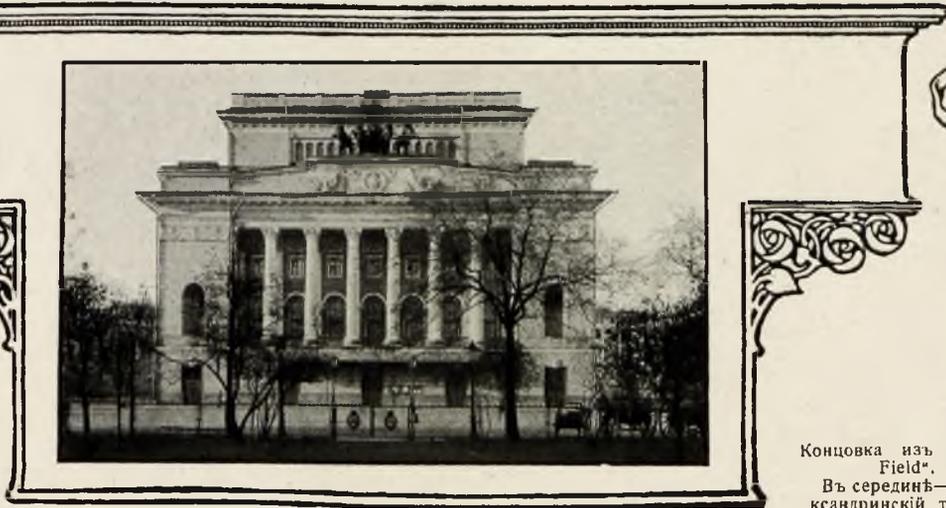
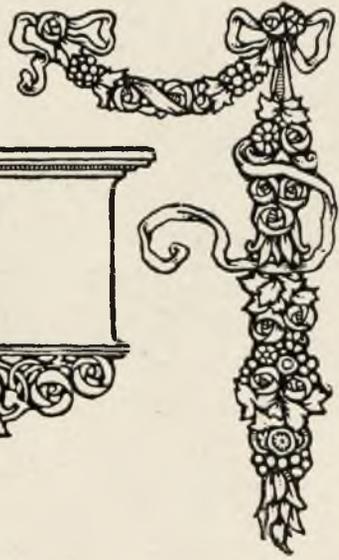
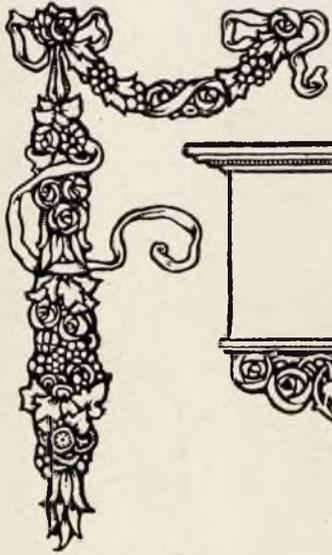
лена. Тогда оскорбленная толпа, полагавшая, что выходка Абаринавой относилась ко всѣмъ присутствующимъ, бросилась къ театральному подъѣзду, надѣясь тамъ свести счеты съ артисткой. Однако и это не удалось. Друзья артистки, не давъ ей времени ни переодѣться, ни разгримироваться, провели ее, бившуюся въ истерическомъ припадкѣ, черезъ другой подъѣздъ и увезли домой.

Ровно годъ послѣ этого небывалаго еще въ лѣтописяхъ театра скандала Абаринава не показывалась публикѣ, а затѣмъ своимъ властнымъ покровителемъ была переведена въ русскую оперную труппу и только черезъ три года вернулась въ драматическую.

* * *

„Дочь рынка“ въ 1874 году была сыграна всего одинъ разъ. Этой опереткой закончилась эпоха, презрительно именуемая нѣкоторыми „оффенбаховщиной“. Новыхъ больше уже не ставили, къ тому же и вдохновитель оперетки, Яблочкинъ, внезапно исчезъ съ горизонта.

Левъ Ивановъ.

Концовка изъ „Ladies Field“.
Въ серединѣ—Александринскій театръ.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Женщины говорятъ гораздо больше мужчинъ, провинціалы гораздо больше жителей столицы...—

сказалъ молодой человекъ, извѣстный въ гостиныхъ, какъ лучший исполнитель танго.

— Вамъ, Додо, не слѣдуетъ жаловаться на провинціаловъ и женщинъ—вашъ языкъ тоже все время танцуетъ танго—сказала смѣясь хозяйка дома.

— У васъ въ столицѣ некогда разговаривать, некогда читать, некогда думать—чѣмъ же вы заняты, господа, никакъ я не пойму?!—

спросилъ господинъ съ саркастической бородкой, въ нужныхъ случаяхъ увѣрявшій, что онъ провинціалъ, хотя жилъ лѣтъ десять назадъ не то въ Одессѣ, не то въ Кіевѣ, а съ тѣхъ поръ и не видалъ провинціи.

— Мы заняты дѣланьемъ карьеры, ловлей счастья...—

отвѣтила за всѣхъ хозяйка.

Завязался разговоръ вообще о счастья.

— Однимъ людямъ вообще всю жизнь везетъ, другимъ не везетъ: такъ многіе думаютъ. Другіе утверждаютъ, что каждому назначена доля удачъ, но одинъ умѣетъ ловить ихъ, другой нѣтъ...—

— У Конанъ-Дойля, по моему самага популярнаго современнаго писателя, между прочимъ есть такой разговоръ. Докторъ Ватсонъ, другъ и спутникъ Шерлока Холмса, удивляется, какимъ образомъ удаются Холмсу всѣ его сложнѣйшія комбинаціи въ разныхъ розыскахъ, когда достаточно одного малѣйшаго нарушенія созданнаго плана, одной ничтожной случайности, и весь хитроумнѣйшій планъ разстроены. „Какъ это у васъ не случается ошибокъ, всѣ сложнѣйшія планы удаются?“—„О, это очень просто“—отвѣчаетъ Холмсъ, какъ всегда окутывая себя клубами дыма изъ трубки или играя на скрипкѣ!—„У меня всегда двадцать детально разработанныхъ плановъ, 19 всегда не удаются изъ-за случайностей, а двадцатый удается непременно“...

А на-дняхъ я прочелъ среди писемъ чье-то стихотвореніе, довольно скверное, но мысль его запомнилась... Кто-то живетъ среди лѣса въ бѣдной хижинѣ и каждую ночь ставитъ кругомъ капканы—не попадется ли въ капканъ счастье... Эти капканы и двадцать плановъ Холмса—одно и то же. Двадцать возможностей удачи и только одна удача. Люди, которымъ везетъ, часто тоже разрабатываютъ двадцать плановъ, двадцать дѣлъ, двадцать возможностей—что нибудь одно и удаётся... А другіе думаютъ, что это счастье...

— Да, это вѣрно! это какъ въ рулеткѣ: одинъ ставитъ все на номеръ, у него на выигрышъ только $\frac{1}{37}$ вѣроятности. Другой обставляетъ половину номеровъ, у него уже $\frac{1}{2}$ вѣроятія: три-четыре такихъ ставки и одна удача обезпечена... А судьба не милостивѣ рулетки—она тоже беретъ себѣ хорошіе проценты за зеро, можетъ быть, большіе, можетъ быть, меньшіе, чѣмъ рулетка; этого еще не подсчитали ни философы, ни математики... На дняхъ я читалъ гдѣ то—„у судьбы можно выиграть навѣрняка, надо только не обезкураживаться неудачей, а повторять ставки“...

Впреки обыкновенію на нѣсколько секундъ наступила пауза. Додо повернулъ кресло къ роялю и заигралъ танго...

* * *

... — Одни благодаря войнѣ разоряются, другіе наживаютъ деньги! И какъ это ни странно, къ послѣднимъ относятся нѣкоторые наши художники—они въ этомъ году продаютъ свои картины легче, чѣмъ когда либо...

— Да! теперь на заграничную выставку или аукціонъ не поѣдешь, покупай дома... Очень хорошо...

— Что меня поразило—это наши аукціоны: я думалъ, что теперь все идетъ за безцѣнокъ, а оказывается платятъ шальные цѣны... вотъ вамъ и „нѣтъ денегъ“!

— Были на выставкахъ?..

— Какъ же!

— Странное впечатлѣніе произвела на меня выставка „Міръ Искусства“: на фонѣ кривляній отдѣльныя превосходныя вещи... Почему эти люди соединились въ такую разношерстную компанію?

— У меня создалась такая манера сужденій: посмотришь, послушаешь, прочтешь наскоро, одно запомнится, заставитъ работать мысль, другое—не оставитъ никакого впечатлѣнія. Въ большинствѣ случаевъ не ошибаешься: запоминается дѣйствительно болѣе яркое, яркое понятно не въ точномъ значеніи слова—иногда самое тусклое бываетъ самымъ яркимъ... И вотъ сейчасъ, перебирая выставки, мысль все-таки возвращается къ „Міру Искусства“, тамъ ей есть за что зацѣпиться, тамъ есть споръ, будированіе, исканіе...

— Это не достаточный критерій! на футуристахъ тоже мысль остановится, но въѣдъ не станете же вы говорить серьезно объ этихъ господахъ съ ложками.

Львовъ. Ратуша.

Львовъ. Православная Преображенская церковь (бывшая униатская).

ЛВВОВЪ.

(Художественно-историческій очеркъ).

Въ настоящее время Львовъ привлекаетъ особенное вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ окончанія войны этотъ новый русскій городъ, или правильнѣе—этотъ древній русскій городъ, отторгнутый отъ Россіи и теперь геройствомъ нашихъ войскъ возвращенный въ родное лоно,—станетъ мѣстомъ паломничества, и со всѣхъ концовъ Россіи въ столицу многострадальной Галицкой Руси будутъ стекаться русскіе люди прежде всего, чтобы на поляхъ сраженія въ окрестностяхъ Львова поклониться земно братскимъ могиламъ.

Въ Львовъ станутъ пріѣзжать ученые, историки, изслѣдователи, художники и любопытные путешественники и туристы, чтобы осмотрѣть Львовъ. Его прекрасные многовѣковые храмы, старинные интересные дома, богатые музеи и библіотеки, также и новый Львовъ съ его привлекательными садами и парками, съ красивыми зданіями и улицами.

Первую прогулку, которую обыкновенно совершаютъ новопрѣзжіе во Львовъ, чтобы ознакомиться съ внѣшнимъ обликомъ города—это прогулки къ руинамъ „Высокаго Замка“. Эти незначительные остатки нѣкогда укрѣпленной резиденціи польскихъ королей, строенной Казиміромъ Великимъ, стоятъ на доминирующемъ надъ Львовомъ холмѣ, на склонахъ котораго разбитъ густой паркъ. Съ Высокаго Замка, въ особенности же съ подымающагося рядомъ конусообразнаго кургана, называемаго Коріес Уніи, насыпаннаго въ 1869 году въ память трехсотлѣтія Люблинской Уніи, открывается чудесный видъ на городъ: Львовъ какъ на ладони. Надъ моремъ крышъ, красиво чередуясь, высятся башни, колокольни старыхъ церквей, купола и шпицы костеловъ.

Городъ дѣлится на двѣ части: на новый и старый Львовъ. Каждый имѣетъ свои достопримѣчательности.

Чтобы лучше всего ознакомиться съ фізіономіей Новаго Львова, нужно пройти по его главной улицѣ Karola Ludwika. Здѣсь царитъ постоянная сутолка. Это не только мѣсто прогулки жителей, но и дѣловой центръ новой русской жизни. Сюда пріѣзжаютъ офицеры съ позицій за закупками, здѣсь недалеко расположены офицерскіе экономическіе магазины, а также всѣ большія организаціи: склада Государыни Императрицы, Краснаго Креста, Дворянства, Земства; здѣсь, наконецъ, находятся главныя гостинницы города. На тротуарахъ этого львовскаго Невскаго проспекта вѣчно движется оживленная толпа, по мостовой проходятъ войска, проносятся автомобили, скачутъ разѣзды, тянутся вереницами плѣнные австрійцы и нѣмцы...

Если съ площади Маріацкой идти по улицѣ Karola Ludwika по направленію къ городскому театру, прекрасному новому зданію, то на пути попадется памятникъ-колонна Адаму Мицкевичу, а затѣмъ памятникъ Яну Собѣсскому, поставленный въ 1898 г. Король представленъ скачущимъ на конѣ и своимъ очертаніемъ напоминаетъ памятникъ Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ.

Вниманіе остановится на Художественно-Промышленномъ Музеѣ Львова, въ которомъ также помѣщается и небольшая картинная галлерей.

Въ музеѣ хранится рядъ очень интересныхъ экземпляровъ. Здѣсь нужно осмотрѣть коллекцію старинной мебели и комнатнаго убранства: старинные шкапы аугсбургской и данцигской работы, фламандскія шпалеры, французскіе столики и кресла XVIII столѣтія; также предметы церковной старины: фрагменты иконостасовъ изъ православныхъ и униатскихъ церквей Галиціи, крашенныя деревянныя фигуры Святыхъ, рѣзные ларцы изъ слоновой кости, богато расшитыя

шелковые и бархатные облачения. В витринах музея выставлена серия старинных тисненых книжных переплетов, а также богатое собрание фаянса и фарфора, среди которого имеются статуэтки и сервизы Севра, Вены, Мейсена и даже нашего Императорского завода времени Екатерины Великой. Что касается картинной галереи, то в ней несколько хороших произведений старой и новой школы, из которых по старинной живописи достаточно назвать: Мадонну кисти Понтормо, долго считавшуюся произведением самого Рафаэля, голову Христа—школы Андреа дель-Сарто, „Святое семейство“, работы Маратты, „Милосердного самарянина“—Пицетты, наконец „Поклонение волхвов“ Утрехтского мастера. Новая польская школа представлена творениями Матейки, Ковальского, Мальчевского и др.

Почти рядом с Художественно-Историческим Музеем находится на Театральной улице музей графов Дедушицких, вмещающий самую богатую в Польшу коллекцию по естественной истории, к которой прибавлено и этнографическое отделение, касающееся главным образом карпатских горцев „гоцулов“.

Недалеко от музея Дедушицких, рядом с русским („русинским“, как его прежде политично называли австрийцы) народным домом возвышается церковь Преображения, новая православная святыня, до занятия Львова бывшая униатским храмом.

Теперь православных церквей во Львовѣ четыре: церковь бывшая при австрийцах (в путеводителях по Львову она называется „схизматической“), две церкви устроенныя нами—одна для эвакуационнаго пункта, другая для мѣстнаго гарнизона, и эта послѣдняя Преображенская. Нужно думать, что скоро умножатся православныя церкви в Галиціи, такъ какъ униатство, эта религія компромисса дѣлала успѣхи и поддерживалась лишь политическими мѣрами. Можно съ увѣренностью сказать, что униатство умретъ естественной смертью: конечно многіе городскіе униаты, болѣе подвергнувшіеся полонизаціи, отойдутъ къ католичеству, большая же часть крестьянской Галиціи вернется къ православію. И не будетъ уже существовать той религіи, которая допускаетъ, чтобы въ одномъ храмѣ служба походила на римско-католическую, а въ церкви рядомъ—на православную.

* * *

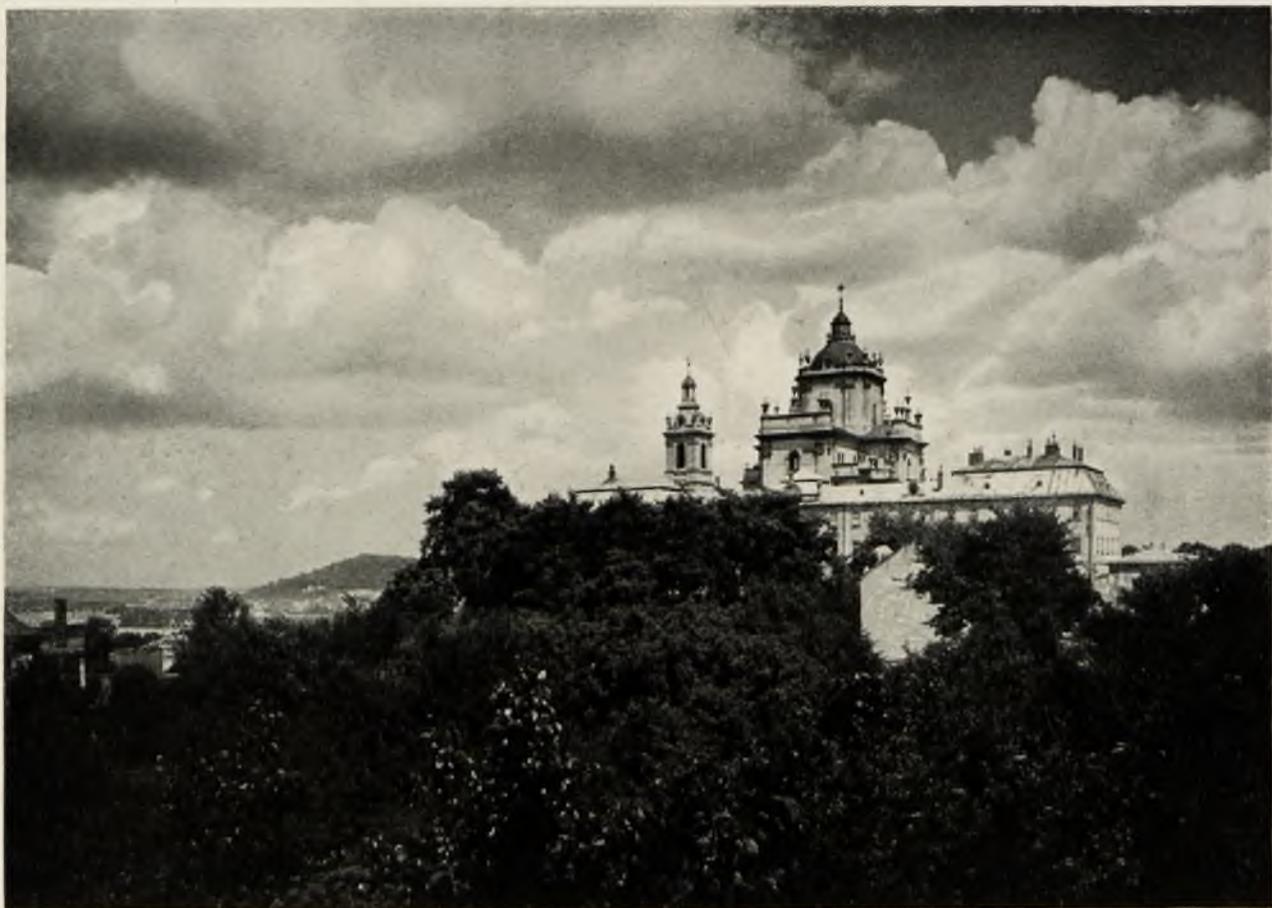
Прежде чѣмъ идти въ старую часть города, въ Старый Львовъ, гдѣ стоятъ лучшіе образцы львовскаго зодчества, упомянемъ вкратцѣ о нѣсколькихъ библіотекахъ, музеяхъ и зданіяхъ, которые размѣщены внѣ стараго квартала. Изъ библіотекъ особенно славится Университетская со своими 200.000 томовъ, библіотека Павиковскихъ, хранящая кромѣ старопечатныхъ книгъ цѣнную коллекцію рисунковъ знаменитыхъ мастеровъ, библіотеку Баваровскихъ, вмѣщающую наряду съ библіографическими рѣдкостями и манускриптами небольшое собраніе картинъ и старинной мебели, наконецъ библіотеку графовъ Дедушицкихъ. Эта библіотека собрана той же культурной семьей, которая основала и создала имѣющій высокое научное значеніе музей естественной исторіи. Въ библіотекѣ рядомъ съ книгами помѣщено собраніе гравюръ и довольно большая картинная галерея. Изъ лучшихъ картинъ назову: чрезвычайно красивый „лѣсистый пейзажъ“ приписываемый Гоббемъ, два парныхъ портрета старо-нѣмецкой школы близкихъ Гольбейну, „Мадонну“ кисти Йорданса, прекрасный nature morte въ сѣро-серебристыхъ, жемчужныхъ тонахъ Питера Класа, наконецъ, великолѣпный по красочному созвучію семейный портретъ графовъ Дедушицкихъ кисти Фюгера. Элегантно написанный портретъ представляетъ на фонѣ изумрудно прозрачнаго

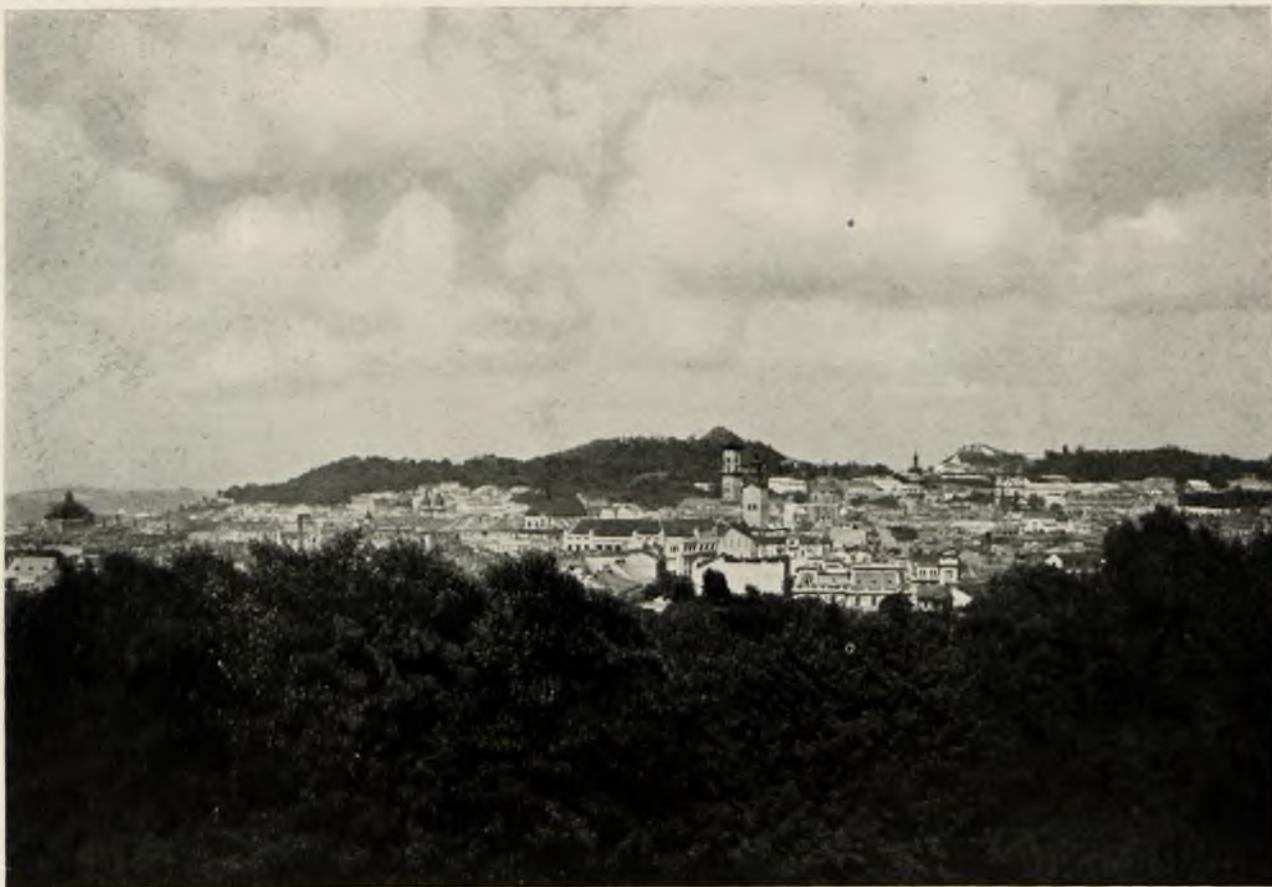
Львовъ. Башня католическаго собора.

Львовъ. Внутренность костела Бернардинцевъ.

Львовъ. Церковь Св. Георгія (Св. Юра).

Львовъ. Общій видъ города.

Львовъ. Художественно-Промышленный музей.

Львовъ. Рыночная площадь; вдали католическій соборъ.

Львовъ. Памятникъ Яну Собѣскому.

Львовъ. Дворецъ униатскихъ митрополитовъ.

Львовъ. Рыночная площадь, налѣво главный входъ въ ратушу.

пейзажа, нарядно разодѣтаго въ алый камзолъ стараго аристократа. И это колоритное сочетаніе зелени съ нѣжно-яркимъ пятномъ кафтана особенно пріятно.

Но одной изъ главныхъ достопримѣчательностей Львова является безспорно музей-библиотека Оссолинскихъ „Zakład narodowy im. Ossolińskich“. Это древнехранилище, основанное въ началѣ XIX вѣка графомъ Максимиліаномъ Оссолинскимъ, извѣстно въ наукѣ подъ именемъ Ossolineum. Въ зданіи, въ которомъ оно помѣщается, находится также музей князей Любомирскихъ, составляющій какъ бы одно цѣлое съ Оссолинеумомъ и эти двѣ слившіяся коллекціи, благодаря своему богатству и разнообразію, заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія. Здѣсь имѣются: библиотека, архивъ, нумизматическое собраніе, коллекція оружія, музей древностей и реликвій польской исторіи, наконецъ, картинная и портретная галереи. Въ послѣдней особенное вниманіе притягиваетъ изображеніе императрицы Маріи Терезіи, рисованное пастелью чуднымъ мастеромъ Лиотаромъ, портретъ графини Страженской, шедевръ Жерара, наконецъ, нарядные портреты XVIII вѣка, въ особенности кисти Бачиарелли и Сильвестра.

Кромѣ Оссолинеума также спеціальнаго вниманія заслуживаетъ Національный музей русской (украинской) старины, собранный большею частью графомъ Шептицкимъ. Здѣсь главное мѣсто занимаетъ церковная старина и среди нея, очевидно, иконы. Галицкое иконописаніе, исходящее отъ Византіи, до XVI вѣка включительно, является лишь развѣтвленіемъ русской иконописи и почти совсѣмъ не различается съ ней. Это тѣ же композиціи, съ тѣхъ же подлинниковъ, тѣ же лики, тѣ же позы и фигуры, тотъ же способъ письма, тѣ же окраски—однимъ словомъ то же пониманіе и настроеніе съ весьма незначительными мѣстными особенностями, какъ на примѣръ, изобиліе полевыхъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ у ногъ Святыхъ въ зелени луга.

Только въ XVII вѣкѣ, главнымъ образомъ во второй половинѣ его, подъ влияніемъ униі, полонизаціи, латинской и западной культуры въ галиційскую иконопись проникаютъ новые элементы, которые, отдаляя ее все болѣе и болѣе отъ московскихъ завѣтовъ, однако, близко стоятъ и неразрывно родственны съ кievской и южно-русской школой церковной живописи.

Въ львовскомъ національномъ музеѣ собрана масса драгоценныхъ древнихъ иконъ, не только галиційскихъ, по которымъ такъ интересно прослѣдить эволюцію иконописи, но также и русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ, греческихъ и итало-греческихъ. Въ музеѣ хранится множество портретовъ, тканей, рѣзныхъ фигуръ, эмалей, грамотъ, рукописей, равно какъ и цѣлая коллекція кустарныхъ издѣлій, какъ новыхъ, такъ и старинныхъ. И потому этотъ музей—незамѣнимый кладъ для изученія русскаго искусства и быта въ Галичинѣ.

* * *

Ознакомившись въ нѣсколькихъ словахъ съ достопримѣчательностями новыхъ кварталовъ города, пойдемъ въ старую часть Львова, начавъ прогулку съ центра его, съ живописной Рыночной площади, украшенной зданіемъ Ратуши и четырьмя миеологическими фонтанами. Площадь окаймлена старинными домами XVI, XVII и XVIII столѣтій, многіе изъ нихъ чрезвычайно интересны и оригинальны архитектурно, такъ что рынокъ стоитъ того, чтобы его обошли кругомъ, внимательно разглядывая каждый домъ.

Особенно примѣчательенъ своей наружностью, своими скульптурными украшениями, воздвигнутый въ 1580 году талантливымъ итальянскимъ зодчимъ Петромъ Барбономъ, красивый домъ, служившій рези-

денцией королю Яну Собѣсскому и потому связанный со многими историческими воспоминаніями. Черезъ одинъ домъ отъ этой бывшей резиденціи стоитъ другой въ высшей степени любопытный домъ самаго начала XVII вѣка, извѣстный подъ именемъ „Чернаго дома“.

Онъ построенъ замѣчательнымъ архитекторомъ Крассовскимъ, а название „чернаго“ получилъ оттого, что сложенъ изъ темнаго камня, къ тому же почернѣвшаго отъ времени. Весь фасадъ его покрытъ гранью, на подобіе Грановитой палаты въ Москвѣ. Кромѣ упомянутыхъ домовъ на Рыночной площади выдѣляются еще два дома въ стилѣ поздняго возрожденія, навѣянные италіанскимъ Ренессансомъ. Они нѣкогда принадлежали знатнымъ патриціанскимъ фамиліямъ и интересны какъ образцы богатыхъ львовскихъ особняковъ XVII вѣка. На нашей иллюстраціи, представляющей часть Рыночной площади съ соборомъ вдали, какъ разъ снятъ одинъ изъ этихъ домовъ, угловой. По репродукціи мы можемъ судить объ его красивой архитектурной внѣшности, а также разсмотрѣть кое какіе орнаменты, напримѣръ наличники оконъ, пилястры, скульптурную группу на самомъ углу.

Въ окрестности Рыночной площади помѣстились наиболѣе интересные храмы Львова. Начнемъ съ католическаго собора, готическаго зданія, заложеннаго Казиміромъ Великимъ, но совершенно передѣланнаго въ XVIII вѣкѣ. Внутри собора, среди многочисленныхъ надгробныхъ монументовъ, нужно особенно отмѣтить бронзовые нюрнбергской работы памятники Николая Гербута и Станислава Жулкіевскаго, а также капеллу Кампіани, усыпальницу богатой львовской фамиліи Кампіани. Капелла вся изъ мрамора различныхъ оттѣнковъ и изъ алебаstra; она покрыта богатой скульптурой и рѣзбой, которую польскіе историки искусства считаютъ работой знаменитаго бреславльскаго мастера Яна Пфистера. Рядомъ съ соборомъ возвышается капелла Боймовъ, мавзолей тоже знатнаго патриціанскаго рода. Фасадъ этой капеллы сплошь залитъ богатѣйшей скульптурой: необычайное богатство фигуръ и орнаментовъ. Такое же богатство царитъ и внутри, гдѣ сплошь залитъ скульптурой алтарь, памятники, куполь, обрызганный рѣзными звѣздами, розетками, херувимами. Эта капелла не только диковинка Львова, но и одно изъ самыхъ курьезныхъ архитектурныхъ произведеній всей Галиціи.

Осмотрѣвъ капеллу Боймовъ, заглянемъ въ костель Іезуитовъ, въ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и большихъ въ Львовѣ, въ костель Доминиканцевъ, строенный въ XVIII вѣкѣ и своей нарядной, нѣсколько вычурной внутренней орнаментацией напоминающій наши церкви возведенныя въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны волшебникомъ Растрелли, наконецъ въ костель Бернардинцевъ. Это зданіе, воздвигнутое въ XVII вѣкѣ, представляетъ большой художественный интересъ. Оно чрезвычайно живописно, какъ по скульптурнымъ украшеніямъ и по формѣ главнаго фасада, такъ и по красотѣ абсида. Внутри костель разубранъ въ XVIII столѣтіи массою золоченыхъ рѣзныхъ деревянныхъ алтарей. Всюду сіяетъ золото, золоченныя изваянія, украшенія, статуи... Наша фотографія, изображающая уголокъ храма Бернардинцевъ, даетъ ясное понятіе о чрезвычайной роскоши этой декораціи XVIII вѣка.

Окончивъ осмотръ костеловъ, подойдемъ къ униатской церкви Ставропигійскаго института. Это безъ сомнѣнія лучшая и благороднѣйшая львовская постройка въ стилѣ возрожденія. Архитекторомъ ея былъ Павелъ Римлянинъ, проявившій замѣчательный талантъ и вкусъ въ этомъ произведеніи. Церковь оригинально накрыта тремя куполами; она была вѣр-

Львовъ. Куполь церкви Св. Георгія (Св. Юра) и деталь главнаго фасада.

Львовъ. Церковь Св. Георгія (Св. Юра) и церковная ограда.

Львовъ. Костель Іезуитовъ; вдали городской театръ.

ной хранильницей православія, главнымъ и послѣднимъ его оплотомъ до 1708 года, когда ей въ силу историческихъ условій пришлось принять унію. Внутри церкви для насъ особенно примѣчательно и знаменательно то, что въ среднемъ куполѣ лѣпится двуглавый орелъ Московской Руси. Это воспоминаніе о томъ, что борясь за православную вѣру, Галицкая Русь нерѣдко получала помощь отъ московскихъ царей и что когда Ставропигіальное братство задумало строить свою церковь, царь Феодоръ Иоанновичъ отпустилъ для этой цѣли богатую милостыню.

Къ церкви примыкають чрезвычайно нарядная маленькая часовенка „Трехъ Святителей“, которую не долженъ пропустить ни одинъ обозрѣватель Львова, а также высокая колокольня, навѣвающая мысль объ итальянскихъ сапраніе.

Въ сосѣднемъ съ церковью зданіи помѣщается музей Ставропигіальскаго института. Въ настоящее время онъ преобразовывается. Его собранія, при австрійцахъ скученныя въ двухъ неудобныхъ комнатахъ, теперь размѣщаются въ новомъ просторномъ помѣщеніи.

Музей этотъ устроенъ изъ Братскаго архива и братской церковной библіотеки и является, какъ и Народный музей, незамѣнимымъ и богатѣйшимъ источникомъ для исторіи Галиціи. Въ книжномъ отдѣлѣ музея привлекають особенное вниманіе пергаментный Крестинопольскій Апостолъ уставомъ XIII вѣка, крюковой стихирарь XVI вѣка, Кормчая XVI вѣка и Прогностики; изъ печатныхъ же изданій—великолѣпно сохранившійся экземпляръ Острожской Библіи. Въ этомъ же музеѣ хранится рядъ иконъ, собраніе портретовъ XVII и XVIII вѣковъ членовъ и благодѣтелей Братства, также большое количество металлическихъ и каменныхъ рѣзныхъ издѣлій, монетъ, матерій и предметовъ найденныхъ при раскопкахъ.

Изучивъ рѣдкости музеевъ, посѣтивъ церкви и костелъ, не слѣдуетъ забывать, что во Львовѣ имѣется чрезвычайно оригинальный, необычайный архитектурный памятникъ—Армянскій соборъ, построенный въ стилѣ церковныхъ построекъ Ани, выходцами изъ Арменіи въ XIV вѣкѣ. Съ этихъ отдаленныхъ вѣковъ существуетъ во Львовѣ армянская колонія, игравшая въ теченіе столѣтій важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ города. Къ сожалѣнію соборъ весь реставрированъ, перестроенъ и мало что въ немъ осталось отъ стариннаго армянскаго искусства. Сохранились лишь въ абсидѣ небольшіе слѣды восточныхъ декоративныхъ мотивовъ, сохранились они и на нѣкоторыхъ надгробныхъ памятникахъ, а также на единственной уцѣлѣвшей колоннѣ, изъ цѣлаго ряда ихъ, нѣкогда поддерживавшихъ аркады погибшаго теперь кіостро.

Итакъ, вотъ сколько достопримѣчательностей вмѣщаетъ Львовъ! Но это еще не все. Тому кто хочетъ вполнѣ ознакомиться съ городомъ, можно рекомендовать обойти также и сѣверный кварталъ его и Жулкѣевское предмѣстье. Тутъ онъ встрѣтитъ базилианскую церковь, гдѣ похороненъ нашъ первопечатникъ Иванъ Федоровъ. Къ сожалѣнію исчезла его могильная плита и теперь невозможно опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ лежатъ останки этого знаменитаго русскаго человѣка. Недалеко стоитъ уніатская церковь Святого Николая, сохранившая несмотря на многочисленныя перестройки старинныя очертанія, а также церковь Параскевы Пятницы. Въ ней находится самый интересный иконостасъ Львова, многоярусный составленный изъ иконъ XVII вѣка, совершенно подобный

тѣмъ иконостасамъ, которые встрѣчаются въ нашихъ старыхъ церквахъ.

* * *

Теперь, чтобы окончить бѣглый обзоръ Львова, въ которомъ мы только намѣтили интересныя мѣста, нужно, отойдя совсѣмъ далеко отъ центра города, посѣтить уніатскую церковь Св. Георгія (Св. Юра), стоящую на значительномъ возвышеніи. Вѣнчая холмъ, она вырѣзается на небѣ своими элегантными формами и скульптурными украшениями и составляетъ типичный штрихъ львовскаго силуэта. Церковь—одно изъ наряднѣйшихъ произведеній львовской архитектуры. Она построена архитекторомъ Я. де Витте въ XVIII вѣкѣ, въ стилѣ Людовика XV, и красиво декорирована скульптурой. Въ особенности эффектенъ главный порталъ, увѣнчанный конной статуей Побѣдоносца, разукрашенный фигурами Святыхъ, огромнымъ лѣпнымъ гербомъ рода Шептицкихъ и цѣлой коллекціей каменныхъ фонариковъ-вазочекъ. Эти фонарики составляютъ интереснѣйшій декоративный мотивъ. Ни на одномъ зданіи мнѣ не приходилось ихъ видѣть въ такомъ множествѣ: здѣсь они кружатся около купола, лѣплятся на карнизахъ, заканчиваютъ всѣ выступы, вырастаютъ на всѣхъ колоннахъ церковной ограды, подобно нашимъ гранитнымъ вазамъ на рѣшеткѣ Лѣтняго сада. Подъ разными углами зрѣнія, въ разныхъ ракурсахъ, различно освѣщенные, одни разбитые, другіе пощаженыя временемъ, эти фонарики кажутся нескончаемой вариацией вазы рокайль.

Церковь Св. Георгія окружають разныя строенія, всѣ выдержанныя въ однородномъ стилѣ Louis XV: помѣщенія для причта, духовенства и семинаристовъ. Передъ церковью стоитъ дворецъ уніатскихъ митрополитовъ, въ которомъ послѣднее время обиталъ гр. Шептицкій, нынѣ высланный въ Россію, на поселеніе въ Курскъ. Можно посѣтить митрополичьи покои, хотя въ нихъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

Самая нарядная комната—это гостиная обтянутая краснымъ штофомъ, въ которой разставлена мебель XVIII вѣка времени Людовика XV, а также и болѣе поздніе столы и кресла стили емпіе. Кромѣ нѣсколькихъ бронзовыхъ произведеній послѣдователей Томира, въ гостиной нужно отмѣтить висящую надъ дверью картину, изображающую голову Спасителя. Это—прекрасное произведеніе живописи, кисти какого нибудь ломбардскаго художника, по духу родственнаго Бернардино Луини. Рядомъ съ гостиной находится опочивальня митрополита, комната лишенная всякихъ украшеній и носящая аскетическій характеръ. Въ ней кромѣ кровати стоитъ гробъ, который митрополитъ приготовилъ для себя какъ грозное tomento mori. Въ залѣ развѣшаны портреты бывшихъ главъ уніатской церкви; изъ залы стеклянная дверь ведетъ на балконъ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на городъ. Общій видъ Львова, который мы прилагаемъ, какъ разъ взятъ съ этой точки. На фонѣ волнистыхъ холмовъ, въ ложбинѣ, раскинулся Львовъ со всѣми своими домами, строеніями, музеями, старыми святынями и диковинками...

И радостно становится, что этотъ красивый, богатый городъ, древнее владѣніе русскихъ удѣльныхъ князей, отторгнутый отъ насъ, вернулся подъ державный скипетръ Русскаго Царя и что нѣтъ больше Руси подъяремной...

А. Г.

Львовъ, январь 1915 г.

**Лазаретъ Министерства
Финансовъ (въ Царскомъ
Городкѣ).**

Въ группѣ: Е. И. В. Великая
Княгиня Марія Павловна, су-
пруга министра финансовъ
С. Л. Баркѣ, министръ фи-
ансовъ П. Л. Баркѣ, главный
врачъ, почетн. лейбъ-мед.
Н. Н. Гурьевъ, завѣд. госпи-
талемъ Н. Б. Охочинская,
старшая сестра Е. В. Ва-
сильева и друг.

**Поѣздъ „имени русскаго
солдата“.**

Стоять на платформѣ: В. В.
Степановъ, Е. М. Зарубина,
А. Н. Зарубинъ, гр. М. В.
Игнатьева, гр. Е. Н. Адлер-
бергъ.

**Лазаретъ Сергіевскаго
Братства, состоящій
подъ покровитель-
ствомъ Е. И. В. Вели-
каго Князя Михаила
Александровича.**

Въ группѣ: товарищъ пред-
сѣдателя Братства Е. А.
Бирюковъ, графиня М. Э.
Клейнмихель, баронесса
Ферзенъ, графиня Ман-
тейфель, г-жа Никольская,
Л. П. Месаксуди, г-жа Смѣ-
ловская, врачъ — Серви-
рогъ и Кильвейнъ-Пав-
лова, и друг.

Лазаретъ имени Е. И. В. Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, во дворцѣ Е. И. В. Принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

Въ группѣ: старш. сестра Х. М. Никитина, княг. Р. А. Чавчавадзе, баронесса З. П. Медемъ, Е. Д. Дриневиць, княг. Н. П. Голицына, Е. А. Скрябина, О. И. Бондаренко, А. Ф. Бодунгенъ, А. П. Шульманъ, Л. Н. Кондратьева, Г. Ф. Бистромъ и др.

ВОЙНА.

Юл. Петр. фонъ-Винклеръ-Ульрихсъ.

Княжна Ел. Андр. Друцкая-Сокольнинская; работаетъ въ лазаретѣ Общеземской организаціи въ Орлѣ.

В. Г. Каттерфельдъ (дочь инспект. Россійск. жел. дорогъ); работала въ подвижномъ отрядѣ Краснаго Креста, въ Тарновѣ и др. мѣстахъ.

Дамы, работающія на нужды войны.

М. I. Арцимовичъ, супруга гофмейстера, тов. министра Иностр. Дѣлъ.

Графиня Вѣра Петровна Канкринна (рожд. Струкова) состоитъ съ 1904 года председателницей Комиссiи художественныхъ изданiй Общины св. Евгенiи Краснаго Креста. Въ теченiе этого времени подъ руководствомъ графини Вѣры Петровны дѣло изданiй расширилось, сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Россiи, но и за границей, неоднократно отмѣчалось во французскихъ и англiйскихъ журналахъ. Кромѣ изданiя художественныхъ открытыхъ писемъ Общиной начали издаваться художественныя книги—Императорскiй Эрмитажъ, Павловскъ (въ 2-хъ изданiяхъ), Петербургъ, Кострома и проч. Издана книга, имѣющая сейчасъ большое значенiе — „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытiя врача“. За время председательства граф. В. П. выпущено свыше 4000 названiй открытыхъ писемъ, между прочимъ особыя открытки для армии.

Отъ издательства въ пользу Общины поступило около 140.000 рублей.

Значительной заслугой председательницы является привлеченiе къ изданiямъ Общины всѣхъ лучшихъ художественныхъ силъ Россiи.

М. Н. Гартонгъ.

Варв. Мих. Татищева, рожд. Бибикова.

М. Ю. Оболенская.

Бар. Мар. Раф. Остенъ-Санень.

Ораниенбаумъ. Большой Дворецъ. Открытіе отдѣленія Кронштадтскаго Морского госпиталя для раненыхъ воиновъ.

Е. В. Принцесса Евгения Георгиевна Альтенбургская, графиня Н. Ф. Карлова, вдова адмирала К. Н. Макарова, Н. Ф. Виренъ, морской министръ ген.-адъют. И. К. Григоровичъ, главн. санитарн. инспект. флота А. Ю. Зуевъ, графъ Г. Г. Карловъ, главн. команд. Кронштадтск. порта Р. Н. Виренъ, нач. штаба крѣп. Кронштадтъ ген.-лейт. Даниловъ, ген.-м. Филатовъ, главн. докт. госпиталя М. Н. Обезьяниновъ, завѣд. Ораниенбаумск. госп. хир. А. Д. Озеровъ, о. Серпуховъ, нач. морской стрѣлк. школы ген.-м. А. В. Петровъ, ст. сестра М. И. Гуляева.

Лазаретъ имени Е. И. В. Императрицы Маріи Феодоровны Петроградскаго Англійскаго Собранія.

Члены комитета по устройству лазарета: Н. О. Пейкеръ, А. О. Гарфельдъ, А. В. Давыдовъ, Э. А. Крейслеръ, Е. Л. Шмаковъ, А. А. Катенинъ, Б. Р. Зейме, С. С. Навроцкій, председатель комитета бар. А. Г. Кноррингъ, д-ръ В. В. Дуранте, фельдшерница К. И. Павлюкасъ, сестра М. Э. Бондоровичъ, сестра О. Н. Лампси.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Дамы, работающія какъ сестры милосердія.

Баронесса Медемъ, рожд. Гарязина, работаетъ въ дамскомъ лазаретѣ л.-гв. Казачьяго Его Величества полка.

М. Ф. фонъ-Гёде, работаетъ въ Самборѣ (Галиція), въ этапномъ лазаретѣ Краснаго Креста.

Мар. Конст. Русанова.

А. А. и О. А. Войновичъ, работаютъ въ лазаретѣ Новаго Клуба.

Г. В. Николаева, работаетъ при Александровской Общинѣ.

Мар. Ник. Шимкевичъ, рожд. Тихомирова (дочь лейбъ-окулиста), старшая сестра Городского лазарета.

Зимой въ усадьбѣ
„Нескучное“.

Имѣніе принадлежало помѣщику Островскому и называлось „Глѣбцево“; когда дочь его вышла замужъ за Соковнина и къ ней перешло имѣніе, оно было переименовано въ „Нескучное“. Большая часть земли распродана, осталась только самая усадьба, принадлежащая теперь К. В. Добротиной.

Фото-этюды Н. А. Добротина.

Главный подъѣздъ барскаго дома въ усадьбѣ „Мурзино“ (Ярославской губ.) шталм. Н. Н. Шебеко бывш. посла въ Вѣнѣ.

„Средниково“, Московской губ., принадлежитъ В. И. Фирсановой. Общій видъ барскаго дома. Въ имѣніи подолгу гостилъ Лермонтовъ.

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Міръ Искусства
(1915 г.).
Б. М. Кустодіевъ.
„Лѣто“.

Союзъ русскихъ художниковъ (1915 г.).
С. А. Виноградовъ. „Играетъ“.

Союзъ русскихъ художниковъ (1915 г.).
С. А. Виноградовъ.
„Лѣтомъ“.

Міръ Искусства.
К. А. Сомовъ.
„Въ лѣсу“.

„МІРЪ ИСКУССТВА“.

Въ прежніе годы „Міръ Искусства“, руководимый Дягилевымъ, игралъ безусловно большую роль въ русскомъ искусствѣ. Это было дѣйствительно нѣчто новое, молодое, рѣзко отличавшееся и отъ Академіи, и отъ передвижниковъ съ ихъ идейнымъ реализмомъ.

Выдвинутое на первый планъ стремленіе къ передачѣ настроенія и интимнаго внутренняго переживанія, или чисто виѣшней красоты, дѣлающей изъ картины только красочное пятно, указывало на новыя задачи русскаго искусства. Эти „декаденты“, какъ ихъ называли прежде, были дѣйствительно искренніе новаторы, искавшіе новыхъ путей, а главное безусловные таланты — чѣмъ и объясняется ихъ вліяніе на послѣдующія поколѣнія молодыхъ художниковъ всякихъ направленій. Новые пути были ими проложены и по нимъ можно было идти вскому, но съ рискомъ услышать — „Ахъ, какъ похоже на Сомова!“ — или — „Посмотрите, совершенный Бенуа!“ Эта перспектива, мало привлекательная для молодыхъ честолюбцевъ съ скромными дарованіями, и побудила ихъ къ различнымъ новымъ мудрствованіямъ, чтобы хоть такимъ образомъ да остановить на себѣ вниманіе. Рисунка не нужно, колорита тоже, одно настроеніе, а какое — пусть рѣшитъ сама публика... Написавъ такой декадентъ обыкновенную картину — пронесли бы мимо, такихъ, много видѣли, а тутъ все вверхъ ногами. Выбравши для своихъ произведеній девизъ „roue épater le bourgeois“ они начинаютъ изощряться на всѣ лады. То это кубисты, вродѣ

Альтмана старающагося геометрически представить „портретъ г-жи Ахматовой“, или Корева, съ его треугольной Nature morte. На смѣну имъ идутъ большіе холсты Машкова, очень напоминающіе прежнія провинціальныя базарныя вывѣски; не достаетъ только соответствующихъ подписей, вродѣ: „торговля фрухтами“... А вотъ и вовсе глумленіе г-на Якулова, выставившаго свои „Спираль“!..

Тутъ есть одна печальная для искусства сторона — эти выкрутасы заразительно дѣйствуютъ на молодежь и часто губятъ въ зародышѣ молодыя дарованія.

Образцомъ такой порчи можетъ служить еще совсѣмъ юный художникъ Левъ Бруни, очевидно унаслѣдовавшій художественныя способности отъ своего

знаменитого предка. Онъ уже выставляетъ свои произведенія, вродѣ портрета „композитора Лурье“, съ перекошенными ногами и лиловымъ лицомъ, или „Зиму“, гдѣ разноцвѣтный снѣгъ весьма похожъ на „мраморную бумагу“ для пасхальныхъ яицъ...

Но есть цѣлый рядъ и отличныхъ произведений. Это работы такихъ мастеровъ кисти, какъ Бенуа, Сомовъ, Билибинъ, Добужинский. Работы ихъ рѣзко отличаются отъ остальныхъ кривляній и они съ успѣхомъ могли бы занять мѣсто на любой выставкѣ.

Взять хотя бы рядъ акварельныхъ пейзажей Ал. Бенуа. Всѣ они написаны просто, искренно, съ однимъ желаніемъ передать какъ можно ближе къ натурѣ впечатлѣніе сѣверной итальянской природы, и производятъ временами даже нѣсколько наивное впечатлѣніе: кажется, что они написаны тѣми красками, что покупаютъ

Выставка товарищества художниковъ (1915 г.).

Ө. В. Сячковъ. „Портретъ Е. В. Лопухозой“.

Миръ Искусства (1915 г.).

Б. М. Кустодіевъ. „Портретъ Е. И. Базилевской“.

дѣтямъ, когда они настойчиво выражаютъ желаніе „красить“, и лишь декорация къ балету Жизель—„Кладбище“ напоминаетъ прежняго фантаста Бенуа, съ его огромнымъ декоративнымъ талантомъ.

„Послѣ бала“ Бразо; широко, свободно написанная вещь производитъ самое пріятное впечатлѣніе, но въ ней нѣтъ ровно ничего специфически декадентскаго. Работы Богасевского, какъ всегда, напоминаютъ старыя красочныя гобелены. Поэтъ города Добужинский, кромѣ—съ обычнымъ мастерствомъ переданныхъ—впечатлѣній отъ огромныхъ желѣзныхъ мостовъ и фабрикъ, выставилъ рядъ эскизовъ къ „Бѣсамъ“ Достоевскаго въ постановкѣ московскаго Художественнаго театра. Жуткое впечатлѣніе производятъ „Скворешники“, гдѣ на диванѣ, въ большой пустой комнатѣ, сидитъ прижавшись въ углу дивана женская фигура, въ ярко красной шали; отлично передана непогода „На мосту“. Вообще у Добужинскаго оказывается большой и разнообразный декоративный талантъ. Элегантны и стильны его декорации для балетовъ Дягилева въ Парижѣ „Midas“ и „Papillons“. Совершивъ недавно поѣздку въ санитар-

Миръ Искусства (1915 г.).

Бор. Григорьевъ. „Портретъ жены художника“.

номъ поѣздѣ на театръ войны, онъ привезъ оттуда рядъ бойко набросанныхъ этюдовъ...

Вотъ кто чудитъ—такъ это Кустодіевъ. Безусловный талантъ, онъ въ то же время какъ будто умышленно кидается изъ стороны въ сторону. То онъ пишетъ обыкновенные хорошіе дамскіе портреты, вродѣ портретовъ г-жи Нотгафъ или Базилевской, и правдиво красочно рассказываетъ о жизни приволжскаго городка—„На Волгѣ“ или о веселой пирушкѣ молодежи, гдѣ забѣжавшая на пригорокъ молодая парочка цѣлуетъ среди бѣлыхъ стволовъ березъ—„Лѣто“, а то вдругъ выставляетъ какую то дебелую „красавицу“ сидящую на росписномъ „букетами“ сундукѣ съ розовымъ атласнымъ одѣяломъ... Едва ли даже въ жизни встрѣчается такое нарочитое и выдуманное безвкусіе.

Лукомскій далъ рядъ архитектурныхъ акварелей изъ изданія

Выставка товарищества художниковъ (1915 г.).

Н. В. Харитоновъ. „Яблони въ цвѣту“.

Міръ Искусства (1915 г.).
Натанъ Альтманъ.
„Портретъ Анны Ахматовой“.

Міръ Искусства
(1915 г.).
О. Э. Бразъ.
„Послѣ бала“.

Всѣ фотографіи картинъ—
Ксении Глыбовской.

Міръ Искусства
(1915 г.).
Б. М. Кустодіевъ.
„Купчиха“.

Выставка
товарищества
художниковъ (1915 г.).
В. К. Штембергъ.
„Роковая“.

„Галиція въ ея стариѣ“, имѣющихъ большое историческое значеніе. Слѣдуетъ пожелать, чтобы даровитыя рисовальщики вроде Остроумовой-Лебедевой, вмѣсто отличныхъ, но увы испанскихъ видовъ, обратили бы свое вниманіе на старую Русь съ ея уходящей жизнью, и тогда вмѣсто „Сеговіи“ и „Бургаса“ мы будемъ любоваться превосходными видами Ярославля или Костромы, или Кіева.

Изъ декадента Петровъ-Водкинъ обратился въ суздальскаго богомаза...

Историкъ, археологъ, декораторъ, академикъ живописи Рерихъ выставилъ рядъ не то картинъ, не то декоративныхъ эскизовъ,—такъ близки его картины къ декорациямъ, что и не разберешь, гдѣ кончается эскизъ для „Князя Игоря“ или „Сестры Беатрисы“ и гдѣ картина, навѣянная какой нибудь оперой Вагнера, вроде „Крикъ Змѣя“. Умышленная примитивность и грубость рисунка не лишены своеобразнаго характера и напоминаютъ временами древнюю церковную стѣнопись—„Проконій Устюжскій отводитъ каменный дождь“.

Сомовъ далъ большую картину „Въ лѣсу“, гдѣ превосходно выписанныя елочки, на нихъ играютъ солнечные блики, сохраняя тайну пѣвней парочки, безмолвно прижавшейся въ странно-изысканной позѣ другъ къ другу... Лѣсъ выписанъ сочно, въ шишкинскій манеръ, фигуры напоминаютъ старый фарфоръ изъ коллекціи автора...

Вѣрный театру Судейкинъ выставилъ нѣсколько фантастическихъ холстовъ съ неизбѣжными арлекинами, пьеро и папушками. Все пестро, безпокойно, написано грязными красками, но не лишено своеобразнаго характера. Особо забавное впечатлѣніе производитъ „Морская идиллія“.

Скульптура нѣсколько скромнѣе живописи и если она умышленно груба, то все же въ ней есть нѣчто опредѣленное — форма. Большой „торсъ изъ дерева“ Коненкова напоминаетъ извѣстную „Нике“, гдѣ тонкія складки одежды прильнувшія къ тѣлу не скрываютъ его красоты. Многихъ, въ наше время дровяной дороговизны, плѣняетъ и обиліе сухой, плотной хорошей древесной массы въ этомъ торсѣ...

Выставка товарищества художников (1915 г.).

И. В. Косминъ.
„Этюды“.

„Станція Мерсфа“, „Малоросійскій плугъ“ и Людовикъ XVI!.

Талантливый ученикъ покойнаго Крыжицкаго Шульце унаслѣдовалъ отъ своего учителя его мягкость и законченность и не впадаетъ въ то же время въ излишнюю сухость. Премированный въ прошломъ году мотивъ угасающихъ вечернихъ лучей въ лѣсной чащѣ повторенъ имъ снова—„Вечеръ въ лѣсу“. Хорошо передана игра зеленовататаго луннаго свѣта на мягкомъ пушистомъ снѣгу—„Лунная ночь“. Искусственное освѣщеніе нисколько не умаляетъ яркости его красокъ, и кажется, что всё его вещи именно и писаны для темныхъ петербургскихъ гостиныхъ, гдѣ зною почти нѣтъ свѣта и вѣчно горитъ электричество.

Влюбленный въ свой край Вроблевскій даетъ рядъ солнечныхъ пейзажей съ яркой зеленью и старыми поэтическими костелами.

Среди многочисленныхъ работъ Беккера хороши его итальянскіе виды съ темными задумчивыми кипарисами или нѣжными весенними мотивами.

Выставка товарищества художников (1915 г.).

И. С. Горюшкинъ-Сорокоудовъ.
„Съ родительскимъ благословеніемъ“.

ТОВАРИЩЕСТВО ХУДОЖНИКОВЪ.

XII ВЫСТАВКА.

Въ выставочныхъ залахъ дома Бурцева вторичная въ этомъ сезонѣ выставка „Товарищества“. Кто могъ ожидать, и меньше всѣхъ конечно сами художники, что война не только не уменьшитъ интереса къ художественной жизни, наоборотъ: художники не zapomнятъ такого удачнаго сезона. Выставокъ много, и они не только всё полны, но картины охотно и много покупаютъ, всюду надписи—„продано, продано“.

Конечно, изобиліе пейзажей, и среди нихъ главное мѣсто, по крайней мѣрѣ по количеству, занимаетъ Клевверъ-отецъ. Когда-то онъ былъ въ большой модѣ и „пейзажъ профессора Клеввера“ былъ необходимой принадлежностью всякой богатой гостиной, наравнѣ съ золоченой мебелью и бронзовыми часами на каминѣ. Но времена переменчивы. Декоративные багровые закаты, зимы и сумерки Ю. Клеввера надѣли, но у него и теперь есть свои цѣнители.

Среди „товарищей“ много экспонентовъ съ академической выставки, но тамъ они представлены гораздо лучше и полнѣе. Рядъ итальянскихъ пейзажей Вещилова уступаетъ выставленнымъ въ Академіи. Также и Бергольцъ далъ свою лучшую вещь на „академическую“. Писавшій прежде большія, яркія акварели Сергѣевъ ограничился на этотъ разъ четырьмя крохотными пейзажиками. Нѣжными тонами передаетъ Федоровъ - Керченскій виды Крыма. Особенно красивы по какому-то сказочному колориту его „Видъ на мѣстѣ Айя“ и „Утро на Босфорѣ“. Много вкуса въ пейзажахъ Левченка, на которомъ сильно сказывается вліяніе отсутствующаго на этотъ разъ Похитонова.

Застывшія облака, деревья, фигуры, окутанныя легкими сумерками—таковы обычные мотивы почти всѣхъ работъ Зарубина...

Ярко свѣтятся чистенькіе малоросійскіе пейзажики Васильковскаго въ затѣяливыхъ рамкахъ Людовика XV.

Міръ Искусства (1915 г.).

Н. К. Калмаковъ.
„Эммиамъ“.

Міръ Искусства (1915 г.).

Б. М. Кустодіевъ.
„Красавица“.

Батальный жанръ представленъ главнымъ образомъ Владиміровымъ. Его наиболѣе удачную картину „Въ плѣвъ“ не только приобрѣла Академія, но съ нея заказано уже нѣсколько повтореній.

Среди портретистовъ выдѣляется Сычковъ.

Элегантно написаны портреты Штемберга. Оригинальна его „Роковая“ съ загадочнымъ взглядомъ огромныхъ голубыхъ глазъ.

Лѣснымъ скитомъ, „старой върой“ вѣетъ отъ женщинъ въ тяжелыхъ парчевыхъ уборахъ Горюшкина - Сорокоудова. Съ большимъ мастерствомъ, напоминающимъ прежніе чудесные рисунки Врубеля, исполнены акварельный этюдъ Космина.

С. К—въ.

КРАСА ОТЖИВШИХЪ ВДОХНОВЕНІЙ...

У продавцовъ старья—такой здѣсь рынокъ есть—
Иду искать красу отжившихъ вдохновеній,
Когда въ тоскѣ душа отъ жалкихъ опасеній,
Когда нашепчуть мнѣ нерадостную вѣсть.
Все пригодилось бы: старинныхъ кресель шесть,
Развалинъ греческихъ колонны и ступени;
Кисеты, чубуки—обломки барской лѣни,
Красавицамъ былымъ палитры тусклой лести.
Гравюра ржавая виситъ надъ пыльной скрипкой...
Въ пастушку хрупкую съ прелестною улыбкой
Амуръ послать готовъ любовную стрѣлу...
Мое вниманіе приковано къ углу,
Гдѣ грустные глаза изящнаго портрета
Меня замѣтили и будто ждуть отвѣта.

В. Жуковскій

Мальчикъ-русинокъ, Владя Д. 12 лѣтъ, сынъ священника, привезенный въ Петроградъ А. А. Чаплиной изъ разоренной австрійцами деревни Сирыни (въ Карпатахъ). Владя Д. съ Высочайшаго соизволенія допущенъ къ приему въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ Петрограда.

МОРЕНИТА.

Изъ записной книжки.

У танцорки Морениты
Иногда глаза сердиты,
То направо, то налево
Такъ и мечутъ стрѣлы гнѣва.
Значить—ей шепнуть успѣли,
Что ревнивый мужъ у входа...
Будетъ около недѣли
Стѣсна ея свобода!

Иногда глаза плясуньи,
Морениты-попрыгуньи,
Дышать нѣгою и страстью
И полны волшебной властью.
Значить—близко другъ богатый,
Бритый, статный и красивый...
Надоѣлъ, вѣдь, бородатый
Старый мужъ ея ревнивый!

В. Умановъ-Каплуновскій.

Катанье съ горъ въ Дудергофѣ (близъ Петрограда).

Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

БЪГА ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

(Окончаніе ¹⁾.)

Въ 1867 г. Главноуправляющій Государственнымъ Коннозаводствомъ выразилъ пожеланіе, чтобы С.-Петербургское Общество участвовало въ отправкѣ „Бедуина“ въ Парижъ для участія на всемірной выставкѣ, гдѣ предполагалось выставить рысаковъ изъ Хрѣновскаго завода. Изъ частныхъ коннозаводчиковъ выставляли своихъ лошадей Ангелгардъ и Кузнецовъ, купившіе остатки Казаковскаго завода. Наши рысаки произвели за границей отличное впечатлѣніе. „Бедуинъ“ получилъ золотую медаль за наружныя формы. Государю Императору Александру II, какъ „лучшему коннозаводчику“, была присуждена первая премія—золотая медаль.

Несмотря на то, что выставленные нами продукты русскаго коннозаводства получили высшія награды, торговыя сношенія съ заграницей не завязались; они ограничились продажей нѣсколькихъ лошадей завода Кузнецова ко двору Императора Наполеона III, а требованіе на русскіхъ рысаковъ изъ Франціи явилось только послѣ участія ихъ на бѣгахъ на Вѣнской всемірной выставкѣ.

* * *

Во главѣ Общества, послѣ смерти П. А. Дубовицкаго, сталъ его неизмѣнный сотрудникъ, свѣтл. князь В. Д. Голицынъ.

Живымъ доказательствомъ серьезныхъ знаній В. Д. Голицына въ области рысистаго дѣла можетъ служить собственный лопандинскій заводъ князя, только недавно прекратившій свое существованіе. Для характеристики этого завода надлежитъ отмѣтить, что лопандинскія лошади на протяженіи 34 лѣтъ (съ 1860 г. по 1894 г.) бѣжали въ числѣ 108, если считать одинъ только Петербургскій ипподромъ, и доставили владѣльцамъ въ общей сложности 72.280 рублей.

Многочисленные заводы, и въ томъ числѣ заводъ В. Н. Телегина, обязаны своими побѣдами производителямъ, выведеннымъ изъ Лопандина.

Голицынское управленіе совпало съ тяжелой порой въ жизни Общества. Вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права наступило дворянское оскудѣніе. Конные заводы при наемномъ трудѣ, къ которому помѣщики не успѣли еще приспособиться, стали для нихъ тяжелымъ бременемъ. Цѣнность лошади подъ вліяніемъ экономическаго кризиса пала. Удержались тогда среди общей разрухи лишь самыя богатые коннозаводчики. Этотъ кризисъ, естественно, отразился на приводѣ лошадей, понизившемся послѣ 1865 года.

* * *

Не остается сомнѣній въ томъ, что первоначальный источникъ конскихъ состязаній въ Россіи—не въ измышленіи отдѣльныхъ лицъ, а въ національныхъ вкусахъ, навыкахъ и традиціяхъ. Сама жизнь создала нашу рысистую охоту. Всенародная „потѣха“, вкусъ къ увеселенію въ соревнованіи, любовь и привычка къ лошади всего населенія земледѣльческой страны—вотъ первые факторы этого спорта. Богатые и сильные представители російскаго барства, среди которыхъ такъ выдѣляется личность Орлова-Чесменскаго, сумѣли воспринять эти національные вкусы, поддержать и воплотить ихъ понемногу въ серьезное дѣло. Въ рысистыхъ обществахъ, среди которыхъ Петербургскому Обществу суждено было впоследствии играть главенствующую роль, приобрѣтается опытъ, совершенствуются приемы, накапливаются средства и выдвигаются полезные дѣятели. Подготовительный періодъ зарожденія и первоначальнаго созиданія подходит къ концу, и въ послѣдніе годы этого періода идетъ уже подготовка прочнаго фундамента для достойной организациі рысистыхъ состязаній въ русской столицѣ.

Подготовительному, „Невскому“ періоду исторіи Петербургскаго Общества нельзя, конечно, придавать серьезнаго значенія въ дѣлѣ массоваго развитія рѣзвости русскіхъ рысаковъ и усовершенствованія всего коннозаводства Имперіи. Средствъ было еще слишкомъ мало, поощренія носили чрезвычайскій скромный характеръ, условія и приемы испытаній еще не были выработаны планомѣрно и цѣлесообразно; особенно неблагоприятно вліяли на доходы Общества неудачное мѣсто бѣговъ и несовершенство бѣговой бѣсѣдки.

Выборъ удачнаго мѣста для бѣговыхъ состязаній и оборудованіе ихъ знаменуютъ собой конецъ подготовительнаго періода. Петербургское Общество вступаетъ въ періодъ планомѣрной дѣятельности, получаетъ возможность увеличить свои средства и выполнить затѣмъ въ широкихъ предѣлахъ свою миссію—способствовать всестороннему росту, подъему и усовершенствованію отечественнаго коннозаводства.

* * *

Во главѣ Общества съ 1880 года сталъ, въ качествѣ Вице-Президента, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

Графъ совмѣщалъ посты Главноуправляющаго Государственнымъ Коннозаводствомъ и Вице-Президента Общества и былъ самъ однимъ изъ лучшихъ коннозаводчиковъ въ Россіи. Въ этомъ проявлялась естественная связь между государственнымъ и частнымъ коннозаводствомъ, съ одной стороны, и конскимъ спортомъ, съ другой. Свое широкое пониманіе принциповъ коннозаводства графъ Воронцовъ воплощалъ въ государственное дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ главный движущій нервъ его видѣлъ въ правильно организованной конской охотѣ и умѣло пользовался силами столичнаго рысистаго Общества, давая ему желанное и вѣрное направленіе.

Въ каждомъ новомъ начинаніи Общества, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, можно установить либо починъ Вице-Президента, либо участіе его въ той или иной степени. Благодарное Общество неоднократно выражало своему главѣ признательность за его дѣятельность на пользу рысистаго коннозаводства.

Въ 1906 году, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтня дѣятельности Вице-Президента графа Ил. Ив., 27 января въ бѣговыхъ трибунахъ Императорскаго С.-Петербургскаго Общества поощренія рысистаго коннозаводства происходило торжественное чествованіе.

* * *

Изъ числа дѣятелей, способствовавшихъ личнымъ талантомъ и неутомимой работой расцвѣту Общества, слѣдуетъ, по справедливости особенно выдѣлить К. Л. Вахтера. Избранный казначеемъ въ самомъ началѣ Семеновскаго періода, т. е. въ 1880 г., Константинъ Логиновичъ оставался на своемъ посту, въ силу повторныхъ избраній, неизмѣнно до 1905 года. К. Л. Вахтеръ никогда не былъ казначеемъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова; призванный силою обстоятельствъ постоянно замѣнять Вице-Президента, К. Л. Вахтеръ имѣлъ возможность проявить свой рѣдкій тактъ и энергію.

Благодаря его неутомимымъ трудамъ, Общество никогда не знало долговъ и могло, разумно тратя капиталъ, собрать тотъ значительный фондъ, который позволилъ Обществу пережить тяжелый кризисъ 1904—1907 годовъ, оправиться и выйти вновь на широкую дорогу.

9-го февраля 1905 года состоялось чествованіе К. Л. Вахтера по случаю его 25-лѣтней дѣятельности въ должности Казначея.

Послѣ К. Л. Вахтера мѣсто казначея Общества занялъ А. А. Зотовъ.

Страстный любитель спорта и коннозаводчикъ, А. А. Зотовъ съ 1895 года входилъ во всѣ дѣла Общества, участвовалъ въ Комиссіяхъ, разрабатывалъ программы, представлялъ проекты полезныхъ нововведеній, при чемъ особенно энергично настаивалъ на томъ переустройствѣ круга для состязаній лошадей по общей дорожкѣ, которое впоследствии оказалось столь выгоднымъ для Общества. Многочисленные журналы Общихъ Собраній свидѣлствуютъ объ активномъ участіи А. А. Зотова положительно во

всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ. Близкое знакомство съ тонкостями дѣла помогло новому Казначеему быстро ориентироваться въ работѣ и при томъ въ самый тяжелый для Общества моментъ. Причины рѣзкаго пониженія доходности и уменьшенія капиталовъ въ 1904—1907 гг. А. А. Зотовъ понялъ вполне правильно и цѣлымъ рядомъ удачныхъ предложеній о переустройствѣ трибунъ, дорожки, системы испытаній, помогъ Обществу поправить дѣла, сейчасъ блестящія, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ.

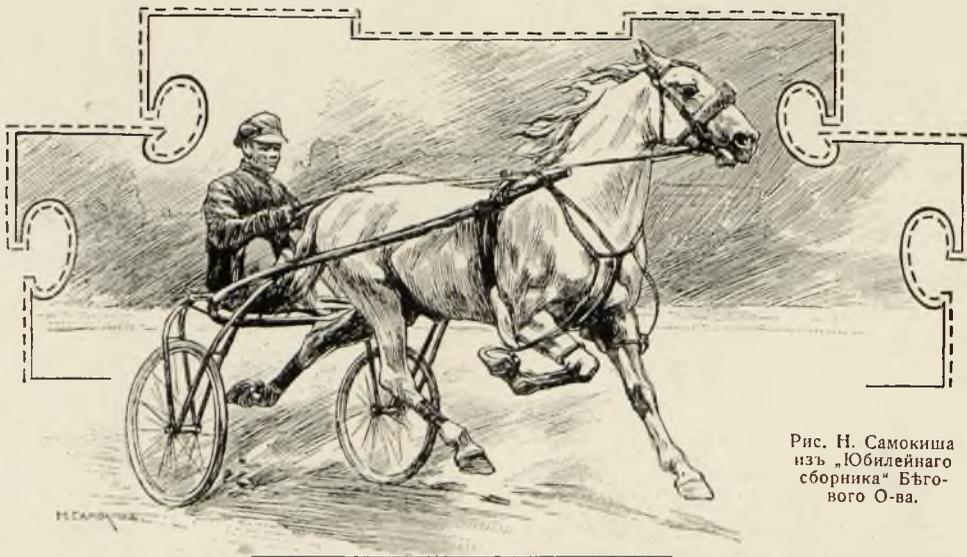

Рис. Н. Самокиша изъ „Юбилейнаго сборника“ Бѣговаго О-ва.

¹⁾ См. №№ 29 и 30.

„К Ю Б А“.

Въ началѣ прошлаго столѣтія любимѣйшій ресторанъ петербургской золотой молодежи назывался: „Мысль Доброй Надежды“. Онъ помѣщался въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на углу Морской и Кирпичнаго переулка, т. е. какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится ресторанъ Кюба, или точнѣе, „Restaurant de Paris“. Булгаринъ въ своихъ запискахъ увѣряетъ, что тамъ подавали очень вкусныя обѣды за 30 копѣекъ мѣдью.

Ресторанъ „Мысль Доброй Надежды“ просуществовалъ изрядное количество лѣтъ и канулъ въ лету послѣ того, какъ былъ сломанъ деревянный особнякъ и на его мѣстѣ воздвигнутъ въ 1852—53 годахъ, нѣкимъ Руазэ, большой каменный доходный домъ.

Другимъ фешенебельнымъ рестораномъ считался въ тѣ годы старый „Палкинъ“. Первоначально онъ помѣщался на углу Невскаго и Екатерининскаго канала въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь находится Учетно-Судный Банкъ, затѣмъ перѣхалъ на уголъ Невскаго и Садовой въ помѣщеніе занимаемое конторой „Вечерняго Времени“ и подъ конецъ обосновался въ домѣ на углу Невскаго и Владимірской у такъ называвшейся „вшивой биржи“, гдѣ находится и понынѣ.

Какъ въ ресторанѣ „Мысль Доброй Надежды“, такъ и у стараго Палкина кормили смѣсью „французскаго съ нижегородскимъ“. Къ сожалѣнію, до насъ дошли меню и „реестры кушаний“ гораздо болѣе поздней эпохи, когда вкусы стали нѣсколько болѣе утонченными, а цѣны значительно болѣе высокими. Вотъ, напримѣръ, меню обѣда въ ресторанѣ Палкина въ 1844 году. Такой обѣдъ стоилъ уже не 30 коп. мѣдью, а одинъ рубль 43 коп. серебромъ.

Мы сохраняемъ орфографію подлинника:

О Б Е Т Ъ.

- 1) Супъ:
Міпогажъ натурень
- 2) Пирогои:
Демидовскіе коки

- 3) Холодное: Розбифъ съ цимбромомъ
- 4) Соусъ: Фаже изъ ряпчиковъ туръ тю шю
- 5) Зелень: Раки
- 6) Разное: Тѣлятина
- 7) Пирожное:
Кремъ Бруле

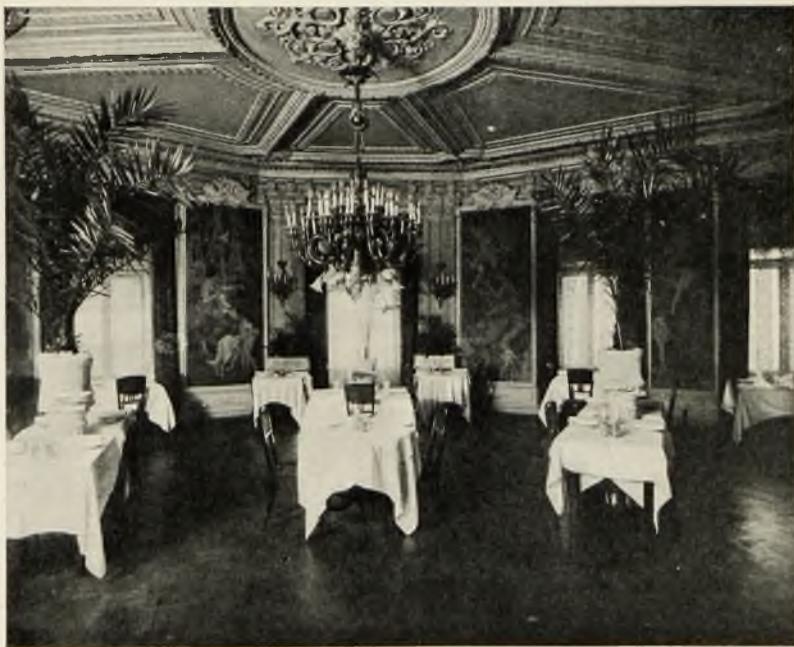
Хороши, вѣроятно, были „демидовскіе коки“, недурны также раки подъ видомъ зелени, но что такое представляло изъ себя „фаже изъ ряпчиковъ туръ тю шю“, этого конечно никакой Каремъ или Ватель не могли бы объяснить. Но, какъ говоритъ старый поваръ въ *Плодахъ Просвѣщенія*: „понимаешь ты много! Что значить: „сотей а ла Бамонъ“? Что значить: „бавасари“?“

Вскорѣ же по исчезновеніи ресторана „Мысль Доброй Надежды“ его мѣсто въ новомъ каменномъ домѣ занялъ французскій рестораторъ Борель, который проторговалъ на этомъ мѣстѣ до 1886 года, когда новый ресторанъ, названный имъ „Restaurant de Paris“, перешелъ въ руки знаменитаго повара Кюба, уступившаго его, въ свою очередь, его нынѣшнему владѣльцу Альмиру Жуэзі, въ 1894 г.

„Restaurant de Paris“ приобрѣлъ особую известность и даже славу съ воцареніемъ Кюба. Тогда за завтраками и обѣдами можно было встрѣтить на углу Морской весь именитый, родовитый и денежный Петербургъ, тогда пиры и оргіи чередовались ежедневно, и не было ни одного провинціала, попавшаго въ столицу, который не мечталъ бы позавтракать „у Кюба“ и хоть глазкомъ взглянуть, что тамъ дѣлалось по вечерамъ.

Но есть мѣста и учрежденія, судьбы которыхъ связаны съ самимъ ходомъ цивилизаціи известнаго народа или страны, и удача или неудача, жизнь или смерть отдѣльныхъ лицъ не имѣютъ на нихъ никакого вліянія. Таковъ и „Restaurant de Paris“. Это своего рода „институція“. Онъ остается славенъ и понынѣ, а популярность его такова, что нѣтъ ни одной деревни съ извознымъ промысломъ въ Рязанской или Псковской губерніи, гдѣ не знали бы, сколько надо спросить у сѣдока „къ Кюбѣ“.

Carlton.

THE LADIES' FIELD

ЦѢНА 6 ПЕН.

ЖУРНАЛЪ АНГЛІЙСКАГО
ВЫСШАГО ОБЩЕСТВА.

Печатается на роскошной бумагѣ. Благодаря изяществу и высокохудожественному исполненію иллюстрацій, стоитъ во главѣ модныхъ журналовъ всего свѣта.

Во всѣхъ вопросахъ моды и во всѣхъ отрасляхъ дамскаго туалета считается однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ органовъ Великобританіи и континента.

„THE LADIES' FIELD“, стремясь освѣтить всѣ стороны жизни свѣтской женщины, посвящаетъ еженедѣльно нѣсколько страницъ свѣтскимъ новостямъ, модѣ, спорту, разнаго рода развлеченіямъ, музыкѣ, свадьбамъ и путешествіямъ въ автомобилѣ.

Русской придворной жизни отводится въ журналѣ должное мѣсто.

Издатель будетъ весьма признателенъ за присылку интересныхъ сообщеній, касающихся свѣтской жизни Россіи и за фотографіи, освѣщающія ее съ разныхъ сторонъ.

„THE LADIES' FIELD“ намѣрено выпустить въ текущемъ 1915 году „русское приложение“. Въ этомъ приложеніи будутъ иллюстрированы и описаны характерныя стороны русской свѣтской жизни.

Журналъ выходитъ по средамъ. Годовая подписка 50 шил. съ пересылкой.

8—11, SOUTHAMPTON STREET, STRAND, LONDON, W. C.

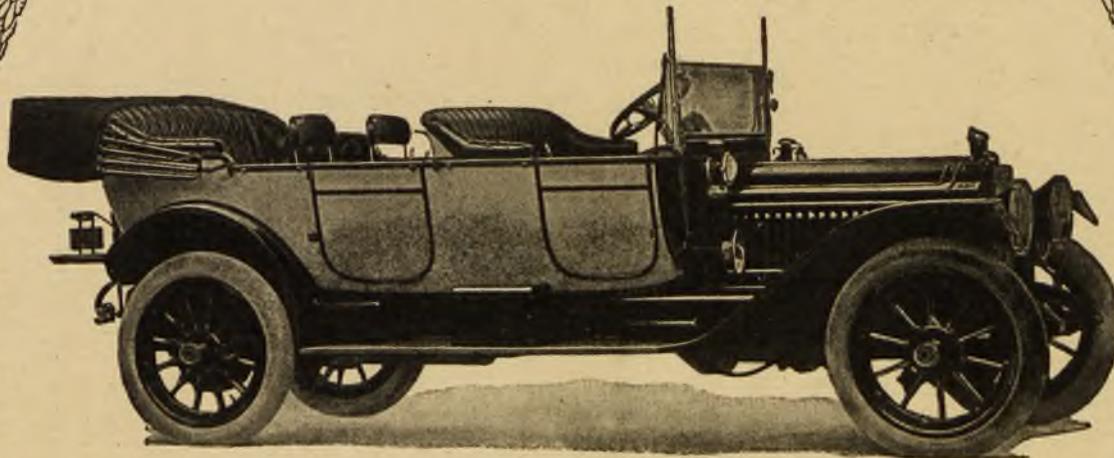
Т-и В. ГОЛКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ, Петербургъ, Звонкоградская 11.

Гос. Третьяковская
ГАЛЛЕРЕЯ
№
БИБЛИОТЕКА

№ 48.
39
П 34 г. 36

„PACKARD“

САМЫЕ ДОРОГІЕ И САМЫЕ ЛУЧШІЕ ВЪ МІРѢ.

ВЪ СОЕДИНЕН. ШТАТАХЪ
СЪВЕРН. АМЕРИКИ НѢТЪ
НИ ОДНОГО МИЛЛІАРДЕРА,
КОТОРЫЙ НЕ ѢЗДИЛЪ БЫ
□ НА НАШЕЙ МАШИНѢ! □

Автомобили „Пакаръ“—самые дорогие автомобили
въ мірѢ. Но практичные янки считаютъ ихъ наиболѣе
выгодными.

Затраченныя деньги здѣсь наилучше оплачиваются.
Кто не ѣздилъ на „ПакарѢ“, тотъ не можетъ пред-
ставить, насколько пріятна ѣзда на автомобилѢ.

„ПакарѢ“ идетъ по вспаханному полю, какъ по
хорошей дорогѢ.

* * *

НАШИ ПОКУПАТЕЛИ:

JOHN ARBUCKLE.
C. H. ARCHIBALD.
M-rs M. H. ASTOR.
CHARLES GOULD.
A. S. GOULD.
M. S. MAC KAY.
C. H. MORGAN.
H. W. MORGAN.
G. L. MORGAN.
G. P. MORGAN JR.
M-rs. J. PIRPONT MORGAN.
W. MORGAN.
A. G. VANDERBILT.
CORNELIUS VANDERBILT.
W. K. VANDERBILT.
M-rs. W. K. VANDERBILT JR.
M. L. SCHIFF.
M. SCHINASI.
W. G. ROCKEFELLER.
и мн. друг.

Въ Россіи, по странной случайности, почти не
знаютъ „Пакара“. А между тѣмъ онъ приспособленъ
именно къ очень плохимъ дорогамъ западныхъ шта-
товъ Сѣв. Америки,—эти дороги не лучше нашихъ
русскихъ. Въ АмерикѢ на всѣхъ дорожныхъ испыта-
ніяхъ „ПакарѢ“ получалъ и получаетъ первые призы.

* * *

Автомобилими фирмы „ПакарѢ“ очень легко упра-
влять. Они безопаснѣе и устойчивѣе всѣхъ другихъ.
Остановки производятся безъ малѣйшихъ толчковъ и
дерганій.

Большимъ удобствомъ „Пакара“ является его лѣвое
управленіе и центральная контрольная доска, на ко-
торой сосредоточены всѣ механизмы автомобиля
(тутъ же и пускъ въ ходъ).

* * *

Автомобили фирмы „ПакарѢ“ не теряютъ
своей мягкости и абсолютной безшумности хода,
даже послѣ многихъ лѣтъ ѣзды.

* * *

ТАКЖЕ ЛУЧШІЕ ВЪ
МІРѢ ГРУЗОВИКИ.

Уже нѣсколько Packard'овъ есть въ Петро-
градѢ. Спросите тѣхъ, кто ихъ имѣетъ.

Невскій, 28; тел. 149—71 (отъ 12 до 6 час.).

Генеральн. представитель для Россіи инж. А. А. Тупальскій только что возвратился съ завода
(Detroit U. S. A.) съ партіей легкыхъ автомобилей и грузовиковъ.

